А. А. ПОТЕБНЯ.

К ИСТОРІИ ЗВУКОВ РУССКАГО ЯЗЫКА.

IV.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЯ И ДРУГІЯ ЗАМѢТКИ.

Отдѣльный оттиск из „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.
В типографіи М. Земкевича и В. Ноаковскаго.
Краковское-Предмѣстье, N 415 (15).

1883.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 11 Февраля 1883 г.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

1.

Село, деревня и т. п. (к исторіи быта).

Село. Найболѣе извѣстное объясненіе этого слова состоит в сближеніи его с *сѣд-*, *сад-*. Так — у Линде, Даничича, Миклошича (Lex. s. v.). Послѣдній в Gr. II 100, 101 говорит: „в ст. сл. *сед-ло*, sella,—суф. *-ло*, а не *-дло*, *-тло*; однако *д* может выпасть, и *се(д)-ло*, ager, vicus, не должно быть сопоставляемо с лат. *solum*, что видно из чеш. *sedlák*". Т. о. достовѣрность происхожденія *село* из **седло* поставлена в зависимость от достовѣрности положенія, что *д*, *т* перед *л* может *только опускаться* (именно—повсемѣстно в русс., серб., болг. и в нѣкоторых мѣстностях и случаях в хорут., чеш., а м. б. и в поль.), *но не вставляться.* Однако это еще требует доказательств. На мой взгляд вѣроятно, что *d* в чеш. *sedlák*, *sedlský*, поль. *siodł-ak*, *-aczek* появилось по аналогіи с этимологически правильными случаями (ч. *křídlo)*, в силу привычки слуха к сочетанію *тл*, *дл*, как в ст. чеш. *uče-d-lník*, *slyšite-d-len* (Кочубин. Осн. вокал. I, 21—2; Mikl. Gr. II, 152—4; Arch. f. Sl. Ph. IV, 356, 385) и как, вмѣсто общеславянскаго *-сло* из **стло*=**т-тло* (число), **д-тло* (прѧсло, К ист. зв. II, 13—4), **з-тло* (масло), вновь появляется *-с-т-ло* в в. луж. *powrjestło*.

Если ненесомнѣнно, что *d* в *sedlák* коренное, то возникает сомнѣніе и в том, точно ли в славянском семействѣ корня **сад* в числѣ форм с ѧ, *ѣ* и *а* (*сѧде-ши*, *сѣсти*, *садити)* есть и форма с *е*: *сед-*. Ибо, что до *седьло* sella, ἐφίππιον (с *ь* в русск. пам.), которое, на основаніи цсл.

седло, с. *седло*, п. *siodło*, могло бы в русс. литер. писаться этимологически - правильно *седло* (при чем ё в *сёдла* небыло бы отклоненіем от правила, как *звёзды=звѣзды)*, вопреки мр. *сідло*, гдѣ *і=ѣ*, по сходству с *сідало* и т. п.; то слово это, навѣрное предполагающее глухой зв. между *д* и *л* (почему *д* в нем и в вост. слав. нар. никогда невыпадает), весьма может быть заимствованным: др. вн. *satul*, др. сканд. *södhul* (Mikl. Lex.). Предположивши для *село* форму **се(д)ло*, лишаемся возможности объяснить западно-слав. формы без *д* (поль. *sioło, sielski*, ч. *selo)*, не діалектическія и позднія, как в. луж. *horło* при *hordło*, а глубоко древнія, общеславянскія. С другой стороны, принимая, что по значенію *село* почти тоже, что п. *sied-lisko* (несмѣшивать с русс. *сел-ище)*, мѣсто гдѣ сѣли (ср. „сѣли суть Словѣне по Дунаєви"; *сѣсти* на выти, А. Ю. 13; *сажати* починки, ib. 16), что русс. *усадище* („усадищо Хотѣново", „деревня Мудово усадищо" 1536, А. ю. 174.; ю. и зап. русс. *садиба* (в памятн. XVI в.), усадьба, поль. *sadziba* и заимствованное из мр. *sadyba* id.; затрудняем себѣ объясненіе других, думаю, болѣе древних значеній этого слова.

По отношенію к звукам скорѣе можно бы согласиться с тѣм, что *село* родственно с лат. *solum*, дно, почва, грунт, страна, *solium* сѣдалище, *con-sul, prae-sul*, лит. *sólas*, лот. [1]) *sōls* скамья, дрв. нѣм. *sal* дом, жилище (Fick. Wb., гдѣ сюда напрасно отнесено *сълъ, сълати*; ср. и Z. f. V. Spr. XXII, 275, гдѣ сюда же и лит. *salà* остров), если бы нижеслѣдующее несочтено было болѣе удовлетворительным.

Село непозже, чѣм в половинѣ X-го вѣка имѣет уже значеніе населеннаго мѣста. По видимому в этом смыслѣ: „да нетворять (Русь) бещинья въ селѣхъ, ни въ странѣ

---

[1]) Пишут, как и я до сих пор, *Латыш, Латышскій*, без нужды слѣдуя южновеликорусс. произношенію и отклоняясь от правильнаго поль. *Łotysz*. Лот. ă, лит. ă=русс. поль. *о*; поэтому лот. лит. *Latwis=Лотышь*.

нашей“, Догов. с Гр. 945, Л². 47. „Не будеть ли татя, то по слѣду женуть. Аже небудеть слѣда или *къ селу* (постоянно осѣдлому мѣсту) или *к товару* (обозу, мѣсту временной остановки, становищу пастухов или купцов).... Аже погубять слѣдъ на гостинци на велицѣ (=на шляху), а *села* небудеть, или на пустѣ, кдѣ же небудеть ни села, ни людий, то неплатити ни продаже, ни татьбы“, Русс. Пр. по Син. сп., Р. Дост. I, 51. Множественное ч. в названіи Ольгина села („есть село ее Ольжичи и доселе“, Л². 59, под 947 г.) указывает на то, что это было поселеніе нѣскольких или многих семей или родов, между тѣм, как слѣдующее мѣсто может быть понято и так, что село смерда есть его усадьба: „начнеть орати смердъ и приѣхавъ Половчинъ ударить и стрѣлою... а въ село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его и все его имѣние“, Л². 217. Многія мѣста свидѣтельствуют, что под селом разумѣлись жилыя и хозяйственныя постройки, а не нивы и огороды: „недайте пакости дѣяти отрокомъ ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ“, Поуч. Моном. Л². 237; „села пожгоша и жита попасоша, Л². 294; села пожгоша и огороды всѣ присѣкоша, Л². 315; возмемъ села и поидемъ съ полономъ въ Половцѣ... взяша села безъ утеча съ людми, ib. 340. Село отличается от города, конечно, как мѣсто неукрѣпленное. Отсюда частыя сопоставленія, как „опустѣша села наша и городи наши“, Л². 215. Село сопоставлено со *свободами* и *погостами*: „и нѣсть мѣста, ни *вси*, ни *селъ* тацѣхъ рѣдко, иде же невоеваша (Татарове) на Суждальской земли, и взяша городовъ 14, опрочь свободъ и погостовъ“, ib. 441, под 1237 г.; „по всѣмъ погостомъ и по селомъ крестьяномъ много зла сотвориша“, Ак. сп. Л². 510.

В цсл. *село*, между прочим, tentorium, σκηνή; *сел-ище* tentorium, habitatio, aula; *-и-тва* habitatio; *-ѥниѥ* id. et migratio, при глаголѣ *-ити* со значеніем нашего нынѣшняго по(пере-, вы-)селить; ст. русс. *селина* мѣсто, гдѣ стоит жилье: „буря велика бысть, аки силная рать: относи храмы на иную селину“, Переясл. лѣт. 52 в Матер. для

слов. II, 128. К этим значеніям примыкает нынѣшнее мр. *осе́ля,* двор (как окружающій жилье: „собака ярчук все на оселі лягає“), самое жилье: „закладини нової оселі“ когда между прочим, при извѣстном обрядѣ говорят: „дай же Господи, щоб из цієї нової оселі хліб сіль святий невиводився“... „щоб у новій оселі гости по одній (послѣ одной чарки) незакусували“ (Чуб. VII, 376). Если, что вѣроятно, это мр. слово предполагает *село* в зн. одного жилья, двора; то отношеніе этого послѣдняго зн. к *село,* селеніе, состоящее из нѣскольких дворов, таково же, как в слѣдующем:

При скр. *виç-а-ти* intrare, considere (осн. ф. *вик-*)— скр. *виç* ж. осѣдлость, мѣсто жительства, дом; община, племя, народ, третья каста (*виçпати,* домохозяин, глава общины, племени); *вêç-а-с* шатер, дом; сосѣд, подсосѣдок (зависимый); *вêç-ман,* ср. дом, двор, жилье, покой; зенд. *вûç,* дом, деревня, племя (*вûç-паити,* глава племени); гр. οἶκος (*ваик-а-с) дом; лат. *vîcus (î из ei)* деревня, улица, квартал города; гот. *veihs* κώμη ἀγρός; общесл. осн. *вьсь*—только в значеніи деревни, как нѣскольких или многих дворов. В лит.—только *vë̃sz-pats* господин (о богѣ, царѣ), от **vëszas* б. м. в знач. племени. Тот же переход от двора к деревнѣ в лит. *kaimas, këmas,* крестьянскій двор, деревня, *kaimynas,* односелец, сосѣд, *(vîcinus)* и греч. κώμη деревня (кор. тот что в *по-кой).*

Однако основными значеніями в *село* считаю не вышеприведенныя, от которых трудно допустить переход к зн. поля, а другія значенія, сохранившіяся в ц. сл. и ст. русс. Ц. сл. *село,* поле (кринъ сельнъıи, сѣно сельноѥ и пр.: Матѳ. 6, 28; 27, 7—8; Лук. 14, 18; 15, 15; 15, 25; 17, 7; Второзак. 5, 21), страна (χώρα, regio); ст. русс. *село земли* участок (см. ниже); нынѣшн. вр. *про-се́л-ок, -ица, -ье* не „разстояніе и путь между селами“ (поселеніями), как у Даля, а путь *сквозь* село v. се́ла—поля́, полевая дорожка, как *пролѣсок,* между прочим, дорожка сквозь лѣс. Исходя от этих значеній, нельзя миновать сближенія *сел-о* с лит. *szal-is* сторона, край (swëtima—, чужая ст., чуже-

дальняя в нар. п.), сторона вещи, бок; *pa-szal-is* житье посторонь, о-бок, сосѣдство; *szal-imas, są-szal-imas,* сосѣдній, о землѣ; *sza-szal, sza-szal-e, sze-szal-e* по сю сторону (послѣднее см. Bezzenberger, Beitr. zur Gesch. der Lit. Spr. 329). Славянское *с*=лит. *sz,* заставляет предполагать скр. *ç* или *к, ск,* лат. *c* или *sc,* а не *s,* так что сближеніе *село* с лат. *solum* становится невозможным. Дальнѣйшія сближенія сл. *село* в этом направленіи сомнительны.

Какія значенія, кромѣ общеизвѣстнаго, имѣло сл. *село* на Руси в историческія времена, можно отчасти видѣть из слѣдующаго.

Уже из весьма ранняго свидѣтельства видно, что в селѣ могла быть церковь: „се другое село... въдале (=ъ) святому Спасу и божьниця в немь святого Георгия, и нив*и* (=ы), и пожни, и ловищя, и юже въ немь", Новг. вкладная 1192 г, Срезн. Пам. Русс. п. 183; но было бы ошибочно обобщать такой случай для Руси как сѣверной, но и литовской даже до XVI--XVII в. включительно. На против, кажется существенным то, что по точному смыслу вышеприведенной грамоты, нивы, пожни и ловища находятся в самом селѣ. Это было бы невозможно, если бы село значило то, что теперь. Нѣсколько позднѣе, в XIII в. Новгородец Климент завѣщает: „было ж бы ми чимъ заплатит(и)" (долг монастырю Св. Георгія в 20 гривен серебра), „даю за все за то два *села съ обильюмь* (с хлѣбом на пнѣ) и съ лошадьми, и *съ борътью,* и съ *малыми селищи, и пень и колода,* одерьнь (=обель), а заводникъ (укащик завода, т. е. границ того села) — сусѣдъ мой Опаль. А Калисту юсмь далъ Микшиньскоює село съ огородомъ и съ борътью. А Воинову сынови Андърѣю даю Самуиловьскоює село и *пень* и *колоду* и *съ борътью*" (Срезн. Свѣд. и зам. I, XXXV, 38). Т. о. в село входили пашни, лѣсосѣки (формула: „пень и колода") и борти в лѣсу. Так и в XVI в.: „се язъ... промѣнилъ есми... вотчину свою *пустую* въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Воздвиженское село, двѣ трети свои; а въ селѣ храмъ.. да дворъ болшой съ задворишки... а *пашня въ* Воздвиженскомъ *селѣ* и въ тѣхъ

четырехъ пустошѣхъ треть лежитъ перелогомъ, двѣ трети и лѣсомъ поросло", 1582 г., Ак. Юр. 139. С таким же основаніем, с каким мы скажем, что церковь и двор находились в селѣ, мы должны сказать, что перелоги и заросли были в нем же. В писцовой кн. Пинскаго Староства 1561—6 г. (изд. Вил. Комм.) постоянное выраженіе: „*w tem* że *siele* rzezanych włok N, a naddatkow ku tem że włokam morgow N".

Гораздо яснѣе видно значеніе села, как *участка земли*, с коим связано было право пользованія общинными угодьями (каковы луга, лѣса с ловищами и бобровыми гонами, берега вод с рыбными ловлями) из Новгородских купчих и данных XIV—XV в.:

„Се купи А у Б *село земли*: дворъ и дворищо [2]), гор-

[2]) *Дворище*, соб. мѣсто, гдѣ двор, мѣсто *под* двор („у монастырей дворы отнимали въ городѣ, а давали имъ мѣста подъ дворы по 30-и саженъ и съ огородомъ", конец XV в., Ак. Юр. 8), на котором „*строили*" или „*ставили*" двор: „дали N-у дворовое мѣсто, и N-у на томъ мѣстѣ дворъ строити" в Москвѣ, 1613 г., ib. 149; „поставити мнѣ дворъ на монастырской землѣ, клети да изба, да около двора городба", 1581, ib. 197; „поставити въ той пустой деревни дворъ, а на дворѣ *хоромъ* (=всяких построек): избу трехъ саженъ и съ углы новую, да клѣть, да хлѣвъ съ сѣнникомъ полутретьи сажени, да мшаникъ дву саженъ", 1585, ib. 198, 200; „дворъ болшой съ задворными дворишки.. дворъ что жила тетка моя княгини Маѳа, да посадъ отъ двора къ церкви лѣвую сторону десять дворовъ, да дворъ скотей", 1582, ib. 139—40; ср. ib. 127—8, 130, 147 и пр. Т. о. *дворище* тоже, что ст. серб. *двориште*, поль. *dworzysko*, а дворъ - совокупность жилых и хозяйственных построек на огороженном дворищѣ. В этом же зн. уменьш. *дворец*: „дворецъ... а во дворѣ хоромовъ: изба съ нутромъ и съ кровлею да противъ избы клѣть съ кровлею.. а длина дворищу восми саженъ", 1611, ib. 133. Тоже зн. в ст. поль. *dworzec*; отсюда в ласкат. см. вр. *дворец*, соб. красивый двор, palatium. Для нынѣшн. русс. поль. *дворъ*, *dwór*, пространство в оградѣ,—в стар. языкѣ *подворье*, *подворная земля*, *podworze*, *podworek*: „ставилъ тотъ дворъ язъ и язъ той продалъ и съ подворною землю", ib. 133. Хотя и в с. вр. памятниках видно, что *дворище* могло

ныи орамыи земли [3])... и нарѣчьскіи орамыи земли, и пожни [4]), и притеребы [5]), и перевѣсища [6]), и ловища, и въ.. тони участокъ, и въ путикѣхъ [7]), и въ лѣсѣхъ уча-

---

дѣлиться („полъ дворища“, Ак. Ю. 143), но странно встрѣтить в инвентарѣ Полѣсской волости Угринич, 1598 г., слѣдующее: село Угриничи, дворище Копилович, дымов 7, дв. Рокитич, дымов 10 и т. д. всего дворищ 7, а дымов 58; село Берчичи, дворищ 2, дымов 26, при чем за один дым платящій дани медовой столько то коп v. грошей, считается хозяин, нерѣдко с 2—4 сыновьями, братьями, с сынами и внуком (Пам. изд. Врем. Комм. III, 2, 158 слѣд.).

[3]) *Горныя* пашни отличены от *нарѣчьскихъ*, приречных.

[4]) *Пожьня*, сѣнокосъ, как и теперь в свр., юр. *сіножать*, из чего видно, что в *жѧти, жьнѫ*, русс. *жну* (=лит. *genù, ėti*, обрубать, обрѣзывать вѣтви дерева, *genys*, лот. *dzenis*, дятел, как плотник) неразличались значенія „жать“ и „косить“. Постоянно различаются „*земли* (т. е. „орамые“ в Пинск. писц. кн. pole orome) и *пожни*“ А. Ю. 143 (XIV—XV в.); „село (общее понятіе) *со страдными землями* и съ пожнями“, ib. 145. Ср. *страдомыи* земли, ib. 274; фамилія *Страдомскій*.

[5]) *Притеребъ*, то, что к прежней чищѣ (орамицѣ или пожнѣ) вновь причищено. Ср. „и язъ ее рѣчку Варжу далъ.. есмь.. и съ поженками, и съ лѣсы.. и съ *пристрады* далъ есмь“, XV в. Ак. Ю. 150, чему в Волын. и Полѣсских описях XVI в. соотвѣтствует *приробок* (przyrobek). Ст. русс. *страд-ати* (нын. свр. *-ить, -овать*)=мр. *робити*, свр. *рóбить*, работать земледѣльческую работу (вообще тяжелую, откуда производныя знач. терпѣть и пр.), вообще работать („а людье како-то на мя страдалѣ, тако и на княгиню мою по моемь животѣ“, Гр. Володим. Васильк. Владимир-Волынск. 1286 г.), трудиться: „яко, братье, страдали дѣди наши и отчи за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидемъ по своемь князи“, Н. I, 32. Б. м. заимств. из русс. лот. *strâdât*, работать. *Страд-* сродно с *трѫдъ* (+тра-н-д-).

[6]) *Перевѣсище*, гдѣ вѣшается *перевѣсъ*; *перевѣсье* id.? „Съсѣкли у насъ невѣдаемъ кто сосну съ колцомъ перевѣтную: поводень на нее мы вѣшали на утки, на Тавренгѣ на рѣкѣ, въ перевѣсьѣ, подъ болшимъ наволокомъ, за рѣкою; и намъ стало неначто поводни вѣшать, угодье опустошили“, 1604 г. А. Ю. 94.

[7]) *Путикъ* в свр. а) *лаз*, слѣд проторенный звѣрем, или

стокъ по земли“ (=сотвѣтственно пахатной земли или, скорѣе, в силу владѣнія такою землею), и *въ* подскотин*ѣ* (напечатано: „съ подскотиню“) участокъ,... чимъ володѣлъ Б.. тѣмъ володѣти А и его дѣтемъ, тими *землями* и пожнями и всими угодіи“, Ак. Ю. 110—1.

„Се купилъ N у N *земли село*: и дворъ, и дворищо, у орамыи земли, и пожни и съ притеребы, и *ловища того села*... а межи тѣмъ землямъ и пожнямъ и ловищамъ по старымъ межамъ“, ib. 112.

„Се купи N у N село земли Фофановьское: дворъ и дворище, орамыи земли и съ притеребы, и пожни съ притеребы, и путики того села, и перевѣсища того села, и полѣшіи лѣсы [8]), и бобровыи ловища, и въ тонѣ уча-

---

ктицею по снѣгу или черностопу; б) охотничья тропа, на которой ставятся сияки и ловушки и отсюда — охотничій лѣсной участок (Д.). И теперь, там гдѣ „лѣсованье“ составляет постоянный промысел, „крестьянин пробирается нетронутыми лѣсами на протяженіи десятков верст, срубает вѣтви с одной стороны деревъ, дѣлает на извѣстном разстояніи топором *тесь* или *затесь*, т. е. стесывает на стволѣ небольшую полосу и через нѣсколько затесей вырубает на деревѣ свое клеймо. Путик, проложенный т. о. и заклеймленный знаками крестьянина, становится его собствснностью и может быть заложен и продан. В случаѣ спора о путикѣ, волостной суд назначает знающих свидѣтелей для осмотра затесей и знаков на них, указывающих, куда направляется путик и кому он принадлежит“, П. Ефименко, Юрид. знаки, Ж. М. Н. Пр. 1874, X, 61. Ср. *знамя* (соб. знак, клеймо), бортный участок: „и будучи намъ въ томъ Отрепьевскомъ ухожеѣ, въ своемъ знамени бортей съ медомъ непустошить и новодѣль дѣлать, а въ чюжіе знамена неходить“ 1663—4, А. Ю. 212. *Знаменья* Ольги (Лавр. под 947) тоже путики или бортные участки.

[8]) *Полѣшій*, *лѣшебный*, относящійся до *лѣсованья*, соотвѣтствующаго болѣе южному (вр., мр. поль) *полеванью*, охотѣ. Ср. „съ лѣшеими ухожеи и съ водяными ловищи“ Ак. Ю. 128, 129; „*лѣшій* ухожай“ ib. 125.

Ухожай в Писц. Пинск. кн. *уходъ* („uchody drzewem bartnym, także łowieniem ryb“). Осн. ф. **жходъ*, как поль. wąwoz увозъ (Лавр. л.[2] 8, Ип.[2] 206—7), wądoł.

стокъ у Ижемьского кола шестая часть, со всѣми угодьи [9]) гдѣ ни есть, все безъ вывѣта“ *), ib. 112.

... „село земли и пр. усть Ижми рѣки колъ рыба ловити“, ib. 113.

... „*село земли*.. земли орамые.. пожни и притеребы, и ловища, и лѣсы того села, и дворъ, и дворище, и гумнище, и въ островѣ девятая доль и пр. ib. 119; объ этомъ же „селѣ земли“ идет рѣчь в духовной А. Ю. 435, IX.

„Се дасть Иванъ М. да жона его N Микити N и дочерѣ своей N *село земли* Оношиньское.. да двое порт; шубу да чюпрунъ, да приданую дѣвку Феню.. А межа тому селу по старымъ межамъ, и пожни и съ притеребы“, ib. 144.

... *два села земли:* и дворы, и дворища, орамые земли, и пожни, и перевѣсища, и хмелники, и гумнище, и истоки.. и ѣзы, и рыбная ловля. А межа тѣмъ селамъ... ib. 118—9:

„Се купилъ N.. *землю.. двѣ трети села*.. у Григорьевых дѣтей у N и у N, чѣмъ Григорій владѣлъ“, ib. 116.

„Се купили N и N *землю.. островъ* да *наволокъ*.. *) а дали *на той половинѣ села*... ib. 117.

---

[9]) *Угодье.* „Продалъ есми угодіе отца своего и свое въ Золотицѣ рѣкѣ, въ лѣсѣхъ и на морскомъ берегу, пожни свои и варници“ и пр. 1568, А. Ю. 125, 127; „а взяли есмя на той всей земли.. и на всемъ *угодьи* тѣхъ деревень 40 рублевъ денегъ московскую“ ib. 128; со всѣмъ *угодьемъ*: съ путики, и съ ловищи, и съ язовищи“ ib. 195. В Писк. писц. кн.=*съ пожитки*, с чѣм ср. в Новг. купчей: „се купи N въ Оврама N.. участокъ его и у *прибытчиихъ* мѣстѣхъ участокъ его“ (т. е. в рыбных и бобровых ловлях и лѣсах), А. Ю. 113.

*) *Безъ вывѣта*, без исключенія. Ср. „и чѣмъ владѣлъ, съ тѣмъ и продалъ, безъ вывѣта, и съ сѣномъ, что на земли нынѣ 79 году, и съ сѣномъ продалъ“, 1571, ib. 129, 130.

*) =„нарѣчьская земля“, поемный берег заносимый наносом.

... *полъ села земли*, отчину его, дворъ и дворище... и въ хмельникахъ половина, гдѣ ему ни досталося въ отдѣлѣ отъ братьи своихъ", ib. 117, 118.

Новг. *село земли* есть ли какая либо определенная мѣра? Соотвѣтствует ли хотя приблизительно *выти, обжѣ, волокѣ*, о коих ниже? Может быть. Во всяком случаѣ единство села-участка опредѣлялось единством прежняго владѣльца, т. ч. 2 села — два участка, $1/2$, $2/3$ села—$1/2$, $2/3$ участка. Ни в одномъ из приведенных мѣст невстрѣчается в одном селѣ болѣе одного двора и дворища; в двух неупоминается ни о том, ни о другом; тоже в данной, А. Ю. 144. В купчей, А. Ю. 115, XIX под селом разумѣется земля с угодьями и с участком в дворищѣ, но без двора. См. также Псков. судн. гр. 1397—1467), Владимірскій Буданов, Христом. по Ист. Р. Пр. I, 144, 42; 147, 51; 151, 63 („а который изорникъ отречется у государя села", т. е. откажется жить на участкѣ и обрабатывать его); 155; 158; Новг. судная гр. 1471, ib. 173, 7; но в другом зн. ib. 193; „селъ неставити".

Синонимом *села*, в этом смыслѣ понятаго, служит *земля* в узком значеніи слова [1]). И под *землею* разумѣется участок объединенный владѣніем (почему, как выше $1/3$ села, так „се купи N *треть земли*, и въ водѣ, и въ ловищахъ" ib. 118), иногда без двора и дворища, иногда с ними: „Се купи N у N землю, отцину его: дворъ и дворище, горней земли 4 полянки и притеребъ за улицею, 4 лоскуты на Юрмоли земли, и у перевѣсищѣхъ, и въ топяхъ, и въ ручьѣхъ отцины его", ib. 114, XVIII; ср. ib. XV, XVI; 115, XX. Что выраженія, как „ловища того

---

[10]) Т. е. за устраненіем как наиболѣе широкаго зн. (стар. Русьская земля; „бѣ Володимиръ съ ними (дружиною) думая о строи земленѣмъ.. и о уставѣ земленѣмъ, Л.[2] 124), так и того, которое соотвѣтствует нѣм. *gau* (др. вн. *kouwi, gouwi*), дѣлившейся на марки (волости), Grimm, Rechtsalt. 496; Н. Сокальскій, Англосакс. сель. община X. 1877. 117): Деревьска земля, Лавр. л. под 945; ziemia Chełmińska, Mazowiecka и пр.; теперь земля войска Донского и пр.

села“, „со всими угодьи того села“, означают вовсе не то что село было непремѣнно мѣсто населенное, а лишь то, что к нему, как владѣнью, тянули извѣстныя угодья, пожитки; доказательством тому служат мѣста, из коих видно, что такія же угодья могли тянуть к *землѣ* (без двора), *пожнѣ, обжѣ*: „Се купи N.. землю.. чимъ владѣлъ отець его.. *и ловища тое земли*“, ib. 110; „вымѣнилъ есми у нихъ противо того своего помѣстья... ихъ половину усадища, полтрети обжи, и съ отхожею пашнею, и со всѣми угодьи“ (не „того усадища“ а) тое полутрети обжи“, 1596, ib. 141; „купилъ есми.. *пожни* шесть остожей“ (на 6 стогов сѣна) и *съ лѣсомъ*, которой лѣсъ пришелъ къ тѣмъ пожнямъ, сзадѣ и посторонъ тѣхъ поженъ.. со всѣмъ угодьемъ тѣхъ поженъ, куды топоръ и коса ходила“, 1550, ib. 124 *). Кажутся болѣе древними неопредѣленныя выраженія, кои „села и деревни.. съ землями.. и съ всѣми угодьи, куды плугъ, и соха, и топоръ, и коса ходила изъ старины“ (1526, ib. 122; 1546, ib. 123), чѣм такія, в коих село или деревня, уже как мѣста жительства, представлены исходными точками плуга и пр.: „со всѣми угодьи, куды *изъ* того селца и изъ деревень плугъ, и топоръ, и соха, и коса ходила“, 1539, ib. 123; „тыхъ всихъ селъ пожни.. и страдомыи земли... *изъ* котораго села гдѣ дѣлали“, XV в., ib. 274.

Селище, как показывает суффикс, собств. значит мѣсто гдѣ (есть, было) село, но село, очевидно, не в нынѣшнем смыслѣ поселенія из многих дворовъ: „тотъ N *пооралъ* моего *селища* полосу, и межи съоралъ, и въ поле пригородилъ“, 1491. ib. 13; „вѣдаютъ и *пашутъ* тѣ деревни и *селища* N и N на себя“, XV—XVI в., ib. 14; „есми купилъ у N деревни и пустые селища: деревню Гавриловскую, д. Ермолинскую.. да селищо Пирятинское да с. Храповское, со всѣмъ тѣмъ, что къ тѣмъ *землямъ* потягло изъ старины.. и съ луги, и съ пожнями“, 1484, ib. 150,

---

*) Ср. древн. римское „qua falx et arator ierit“ и подобныя нѣм. выраженія, Grimm, Rechtsalth. 36.

из чего видно, что селище, как и деревня принимались за землю. Немогу определить значенія этого слова в стар. серб. и болг. Есть случаи когда *селиште* отождествляется с *село*: „се же сѫт села свѧтаго отца Іωанна Рылскаго (т. е. монастыря): *селища* Варвара, Чрътовъ Доль и пр. Грам. Іоанна Шишмана, 1378, P. I. Šaf. Pam. dřevn. písemn. Jihosl. изд. 2, 106; но тут вопрос, что значило село? Б. м. оно понималось иногда именно в таком смыслѣ, как в Новгор. памятн. *село* земли. В той же болг. грамотѣ: „и где же се находѧт селища, или сѣнокоси, или жръньки (?), или мѣста жрънчана (?), или ловища, или винограды, или нивы, или стаси (принадлежности, угодья, доходы) каковы либо, иже сѫть *тѣхъ селищь* и тѣхъ *людіи*, кдеже се находѧт под областію того монастырѣ“ ib. Даничичь (Рјечн. из книж. стар.) замѣчает, что так как селища имѣли свои водяныя мельницы, виноградники, плодовые сады, нивы, ливады, а одно упоминается и с „*засеоком*“ (об этом словѣ — ниже), то само собою, что в них были и люди: „селище Могылица сь людьми“. Я бы думал, что из этого слѣдует лишь то, что там *бывали* люди; что если упоминаются селища именно „сь людьми“, то были и селища без людей, как видно из приводимаго там же выраженія: „селишта запустѣвша оть вѣка.. сь вьсѣми людьми што си ѥ населиль оть тугихь земль“. Совсѣм так в вр. грамотах: „се азъ.. далъ есми монастырю.. *пустыню деревню* Крохинскую, и кого къ себѣ призоветъ игуменъ въ ту деревню изъ иного княженія... ино.. А. Ю. 9; „а та деревня была пуста“ ib. 10. Б. м. и старинное сербское и болгарское село заключало в себѣ усадьбы лишь как часть: „село сь вьсѣми засельци (по Дан. villa); и сь периоромь (греч., fines), и сь *отьтесомь* [11]), и сь мегами,

[11]) *Отьтесь*, этимологич. тоже что русс. *отруб*, участок земли отдѣленный от другого (от *села* ?). По Карадж. *отес*=*потес*, нѣсколько нив или ливад, загороженных общиною или нѣсколькими людьми. *Тесать* значило в этом словѣ не загораживать, а посредством *затесей* или *потесей* на деревьях отмѣчать границу: „*утесати* мегю“ 1327, Šaf. Pam. dř. pis. Jihosl. 95.

сь винограды, сь млины, сь врьти (с садами), сь *пашищи*, сь *лази* [12]), и сь планиномь (нагорными пастбищами), и сь вьсѣми правинами села того" (=русс. „что изстари къ тому селу потягло) Дан. Рјечн. из кн. ст.

Участокъ, кромѣ зн. *доли* или *жеребья* (см. эти последнія сл. в А. Ю. 133) в пользованьи угодьями (ibid. 110—11), встрѣчается и в том значеніи, как выше *земля*: „се купи N у N участка половину земли на Икшинѣ островѣ (и) на Луготинѣ пожнѣ.. а дали на тое земли и на тыхъ пожняхъ..." ib. 117, ср. 113.

Другія извѣстныя названія опредѣленнаго участка пахатной земли — *выть, обжа, волока, гоны.*

Выть было вѣроятно словом общеславянским, но сохранилось, кажется, только в вр. Установленіе историческаго порядка его значеній облегчено тѣм, что оно буквально равно скр-му *ŷ-т-й*, ж. удовольствіе, наслажденіе, удовлетвореніе себя чѣм, а во мн. ч. предметы, доставляющіе удовольствіе, на пр. кушанья; склонность, желаніе, благорасположеніе [13]). *Выть* значит: 1. позыв на ѣду, охота ѣсть;

---

[12]) *Лазъ.* Наиболѣе близко к началу вр. *лаз*, проход, обычный путь звѣря. Вѣроятно от зн. прохода-просѣки — зн. сруба, лѣсосѣки: „*łazy* na gajowiskach wypalają, po tém lemieszem wzruszają", XVII в., что у L. неточно переведено: karcze, pniaki, chrósty. В Ревизіи Кобринской экономіи 1563 (изд. Вил. Ком.) упоминаются нивы—острова Лазки, на Лазкахъ 218, 290, на Лазѣхъ 776, на Лазку, за Лазком 56, 60. Согласно с этим нужно у Караджича поставить значеніе серб. *лаз* в таком порядкѣ: 1. у Ц. Г. мјесто, гдје је много шуме исјечено, н. п. крчења ради; 2. мала њива, особито између камења. Т. о. в вышеприведенной грамотѣ „сь лази", может значить или то что в вр. грам. „съ путики", или то, что в вр. „съ притеребы".

[13]) *-т-* здѣсь суффикс, а корень — в скр. *áв-а-ти* (прич. прош. страд. *ŷ-тá-*), *ав-и-ти*, 3 л. наст. вр., находить удовольствіе, насыщаться чѣм, желать (лат. *avere*, б. в добром здоровьи, желать), любить (греч. *ἀΐ-τα-ς*, дор. любимец). Сюда скр. *ав-ана-м*, насыщеніе, удовлетвореніе, удовольствіе, желаніе, охраненіе (ср. серб. болг. *храна*, пища и храненіе), *ав-ас*, ср. удовлетвореніе и пр., *ав-ас-á-м*, пища. В связи с этим—лат. *av-ēna*

2. пора ѣды (в рабочую пору в день 4, 5 вытей); 3. промежуток от ѣды до ѣды, как мѣра работы, один пріем или акт работы („в три выти" = в один рабочій день); 4. от 1-го зн. — количество пищи, съѣдаемое человѣком, а в Спб. и собаками за раз, паек; 5. отсюда доля, часть идущая кому [„а у кого дочь родится, ино разсудный отецъ, которымъ торгомъ себя питаетъ.., и онъ съ торгу ея *выть* какову намѣнитъ; а въ деревнѣ потомуже; или животнику ростятъ ей съ приплодомъ, и отъ ея выти что богъ пошлетъ,—купитъ (=покупаетъ) полотна... (и пр.).. и кладетъ въ опришенной сундукъ или въ коробья", Домострой; „А будетъ онъ Иванъ (пасынок), какъ возмужаетъ, и учнетъ со мной N жить и меня слушать, и ему Ивану въ моихъ станкахъ *повытокъ*", А. Ю. 420]; 5. доля, как участь, судьба; 6. в Московских областях *выть* (отлично от Новгородских пятин, гдѣ в подобном смыслѣ *обжа*, и западной Руси, гдѣ *волока*) — участок земли с соотвѣтственным количеством сѣнокосу, лѣсу и др. угодій, тянувшій к двору, как хозяйственной единицѣ: „Семенько кажетъ тому шостой годъ, какъ сѣлъ на той выти, и отъ тѣхъ

из *av-e(s)na, *ов-ьсъ* (как главная пища, *жито* по преимуществу), в коем *ь* могло бы быть из *а*, хотя лит. *av-iž-a*, овес (с неясным по происхожденію *ž*) указывает на *i*. Впрочем б. м. в лит. словѣ *ž* неправильно из *sz*, а это из *c*, так что *aviža* заимствовано из русс., как по всей вѣроятности лот. *ausas* от косвенных падежей русс. *овс-а, овсу?* Далѣе отстоит м. б. вовсе несродное скр. *јав-а-с*, зерновой хлѣб, зерно, ячмень, лит. *ja-was*, зерно, извѣстн. один род зерноваго хлѣба, мн. *jawai*, хлѣба, гр. ζέα полба, скр. *јав-ас-а-с*, трава, корм.

Скр. *уд-, пр-ав-ати*, а равно *ав-* без предлога, кромѣ вышеприведенных значеній, имѣет еще одно: замѣчать что, обращать на что вниманіе (сюда гр. ἀΐω слышу, чую, αἰσ-θάνω, слав. *ухо* (как чующее) и срод.) с чѣм вяжется лит. *ju-t-*: *ju-n-tu, justi* (лот. jutu, just), *jauczіu, jausti* ощущать, замѣчать, воспринимать, чувствовать; бодрствовать (ср. относительно перехода значеній *чути*, чувствовать, и ст. поль. *czuć*=*czuwać*, бодрствовать). Между этим лит. *jut-* и русс. *выт-* такое же звуковое отношеніе, как между лит. *juk* в *ju-n-kti* и *вык-нуть*.

мѣстъ Семянко вѣдаетъ, что Ивашко дѣлаетъ городскую землю, его двора выть", 1491, А. Ю. 13; 7. участок земли с угодьями, как податная единица; величина его измѣнялась, смотря по качеству земли и другим обстоятельствам, и простиралась приблизительно от 6 до 10 десятин в полѣ „да въ дву по томужъ". т. е. от 18 десятин пахотных; в XV в. многіе крестьяне сидѣли не на полной выти, а на полу в., чети выти и до $1/_{12}$, согласно с чѣм измѣнялись их повинности (О *выти* и сохѣ, см. И. Бѣляев, О поземельном владѣніи в Москов. госуд. 64—9; Соколовскій Экономическій быт земледѣльческаго населенія в Россіи, 157); 8. по Далю. в Ряз. *выть* — 30 —50 душ — „дѣлит свой пай по жеребью на десятки", которые „дѣлят (землю) подушно; *завытныя* души — оставшіяся, если число недѣлится по́дцѣло; 9. от зн. 6—двор; 10. Ряз. выселок. Послѣднія значенія, по способу возникновенія, сходны с соотвѣтственными значеніями села. Непосредственной связи между значеніями 3 и 6 здѣсь, по видимому, нѣт, хотя, конечно, она легко могла бы возникнуть. Ср. *день* поля, нѣм. *morgen* landes (откуда поль., зап. рус. *морг*), швейц. *imis-mahl* мѣра земли в 60 саженей (klafter), соб. сколько можно выпахать „bis zum *imis* (=imbis, закуска, обѣд), за $1/_2$ дня, Pott, E. F. I, 68.

Обжа, мн. *о́бжи,* кур. *во́бжи*; новг. и *обга*. а) сошныя оглобли; б) сошныя или плужныя рукояти; в) стар. новг. мѣра земли; в XV в. количество обж в деревнѣ приблизительно соотвѣтственно количеству дворов и хозяев (Соколовскій, Оч. ист. сель. общ. 18 - 9; Эконом. быт и пр. 156—7). Нынѣшняя величина обжи — см. у Даля. Я останавливаюсь только на этимологической сторонѣ вопроса, при том лишь на столько, на сколько это возможно без частных историческихъ разслѣдованій. По значенію а) это слово сходно со смол. *обмо́и, -ев,* оглобли [14]), и с *о-гло-*

---

[14]) *Обмо́и,* оглобли, как обхватывающія, обнимающія лошадь. Осн. ф. **обьмъіи*. **Мы-ти* здѣсь то, что вр. „птица *вз-мыла*", быстро взлетѣла вверх, „утка ранена рикошетом, *взмыв-*

бля [15]), т. ч. за основную ф. можно принять *о-бъг-а, о-бъж-а*, как огибающая. Этот корень *бъг-* гнуть встрѣчаем если не в мр. *бгати* [т. к. это послѣднее может быть переставкой из *гъбати;* об этом мои соображенія и сомнѣнія в „К ист. зв. I, 224; Разб. соч. Житецкаго 68; в пользу перестановки зв. в „коровай бгати" можно сослаться на Пинск.

Ходите ж.. коровая *згибати*,

Zienkiew. P. Ludu Pińsk. 70, 72;

Де посеем (пшеницу),—куркі гребуць,
На зыходзі гускі щиплюць
А з колоса коровай *гиблюць*, ib. 72],

если даже не в вр. *обыгать*, огибать, обкутывать, *обыга* верхняя одежда, одѣяло [буде, что мало вѣроятно, и здѣсь перестановка, или неправильное заключеніе от *обы-гнуть*, в коем *ы* вм. *и* как в обыденный], то во всяком случаѣ в предполагаемом *бъг*=*бһуг*, что в скр. *бһудж-* flecti, лит. *pa-bug-stu,- bug-ti*, пугаться, соб. уклоняться, как *lękać się*— *лякатись* при *ляшти, лячи* гнуть. О сближеніи *обжа*, мѣра земли, с *обжать* (жну) обкосить (Калайд. в Русс. Дост. I, 136, по поводу выраженія в Уставн. Двин. гр. царя

шею от воды дробной", С. Аксаков. В мр. нар. *миттю* (*мытью), мигом от **мыть*, быстрое движеніе; *вмитись* быстро, мгновенно появиться: „Юдун покрутив свої палці, аж так и *вмилось* на столі печене порося", Кв. „вже в ёго и караульні, и провожаті; такі *вмилося*: недали Левкові (взятому в рекрути) і здихнути.. повели до города". В лит. ср. *mauti*, совать, streifen, *už-* надѣвать (прикасаясь к поверхности), лот. *maut* уздать (надѣвать узду), *aрmaut* тоже, а равно в выраж.: stâw kà apmauts, стоит как оторопѣлый (verblüfft, т. е. как бы „ссунутый"; ср. мр. з глузду зсунутись), „woi tad Dêws tew apmâwis? развѣ ж бог тебѣ разум отнял. В лат. сюда *mov-eo*, в гр. *ἀ-μεύ-ω, ἀμείβω* мѣняю. В скр. (а-, пра-) *мӣвати*, прич. пр. *мӯ-та*, сунуть (schieben), двигать, тѣснить, нажимать.

[15]) *О-глоб-ля*, gabeldeichsel, вр. обл. *-ень*, id. et „оглобень ходит", зыбь на морѣ, когда стихает вѣтер (от выпуклаго, дугообразнаго, подобно оглоблѣ, хребта волны). Поль. *głobić* сжимать, лит. *ap-glėb-ti*, обнимать, обхватывать раменами, *globa* объятіе; др. вн. *clâfdra, klâfter* сажень, промежуток между оконечностями растянутых рук.

Ив. Вас. „а въ сохѣ три обжи“), или с *жать, жму,* нельзя думать. Это значеніе или прямо вяжется со зн. а), т. е. *обжа,* мѣра земли, названо по оглоблям сохи, как *соха* мѣра земли по землед. орудію; или как я думаю, связь зн. а) и в) лишь посредственная: *обжа* зн. огиб земли. Подобным обр. при *лячи* гнуть и *лука* моря и пр. — стар. *лукъ* земли: „Се язъ N съ N продали есмя... четверть лука угодья своего владѣнія за моремъ, въ Умьскіе волости, промежъ Умьскими жильцы, и со всѣмъ безъ вывѣта... чѣмъ есмя *по* той земли (см. выше относит. *по*) сами владѣли промежъ волощаны“, А. Ю. 129. Нынѣ Арх. *лук* = 2 обжи. Ср. также ст. *губа* (одного корня с *гѫнѫ, -гѫб-енъ,* лот. *gûbatês* гнуться) в псковских владѣніях тоже, что погост в Новгородских, волость или стан в московских (И. Бѣляев, О позем. вл. в Моск. госуд. 49). Вряд ли это — от нѣм. *hube, hufe* landes.

Волока, поль. *włoka,* 19 с лишним десятин (около 30 моргов), т. е. 6 с лишним дес. в полѣ. В Литовской Руси это была в XVI в. мѣра постоянная, но измѣнчивости московской выти и здѣсь соотвѣтствовали наддавки или наддатки к волокам земли дурнаго качества. В этимологич. отношеніи, по Чацкому, „od włoczenia“. М. б. собств. участок, который *волочат* (боронуют): „was die egde bestrichen hat“, Grimm, Rechtsalterth. 35.

Для меньшей части земли, кромѣ „гоны“, „двои гоны земли“, А. Ю. 433 и Даль Сл., еще: „*лоскутъ* земли орамой, узкую веретею“ ib. 113, „лоскутъ земли того же наволока“, ib. 114; *веретея* земли, 116. В нынѣшнем с. вр. *веретея, веретья,* непоемная гряда вдоль поймы. Предположив здѣсь основным значеніе бо́льшей длины, чѣм ширины, можно сравнить, кромѣ суффикса, с лот. *wèrtuwe,* низка, на пр. бисеру (das aufgereite), т. е. не с *вьрт-, вьрста* и пр., а с *вере-ница,* серб. *у-вриjе-ти се* всунуться, *вер-а-ти се, вере се,* лит. *į-wer-ti* вдѣвать нить в иглу, *isz-* извлекать. Что до лит. *isz-wer-ti* kelmus выкорчовытать (соб. извлекать) пни, то это знач. зависит от предлога и заключать от него к основному значенію сл. *веретея,* нельзя.

Деревня, вр. Недостаточно сказать, что „деревней в старину назывался всякій населенный участок, как бы мало ни было населеніе, хотя бы один двор“ (Калачов в Древност. Тр. М. Арх. Об. I, Матер. для археолог. словаря 51), или: „Деревня в XVI в.—незначительная группа дворов“ (точнѣе: даже один двор) с извѣстным количеством пашни, сѣнокоса и лѣса. Иногда назв. деревни прилагалось именно к послѣдней части ея: „распахать деревню“ (Соколов. Экон. Б. 151). Выше показано, что и под *селом* на сѣверѣ даже в XV в. разумѣлся нерѣдко участок с одним двором, и вовсе без двора.

Вр. *дере́в-ьня* образовано совершенно так, как вр. *пеле́в-ня, поло́в-ня,* сарай для половы, т. е. посредством *-ьня,* для означенія мѣста, гдѣ находится обозначенное темой; слово же предполагаемое темой сохранилось в лит. *dirw-à* (осн. ф. скорѣе *дырв-а,* чѣм *дирва*), лот. *druw-a* (из *дăрв-а) пахатное поле, нива, и должно быть отнесено к тому **дар-*, что в *дьрати,* свр. *драть* пахать лѣсную новину, росчисть. От того же корня с другим значеніем—лит. *darwa, derwa,* лучина, особ. смолистая (соб. драны), лот. *darwīna* смолистое дерево для лучины (серб. луч), *darwa* смола.

Согласно с этим значенія вр. *деревня* располагаются т. о. 1. вытеребливаемое и очищаемое от лѣса и зарослей мѣсто для нивы; 2. происшедшее т. о. пахатное поле: „порядилися есмя въ N погостъ на деревню, па штину обжы... а за ту подмогу и за лготу — деревня розпахати и поля огородити... а неотживемъ мы тѣхъ лготныхъ двух годовъ и *деревни нерозчистивъ* ... да пойдемъ вонъ, и..“ 1676, А. Ю. 196; „а за ростъ ... тѣ деревни пахати“, ib. 264; „та монастырская деревня орать и сѣять“, а ниже о том же—„орать да и сѣять ихъ тяглую землю“, ib. 65—6; „деревню пашетъ“ в Домостр. вообще: занимается земледѣліем; 3. тоже, что выше „село земли“ с одним двором, при чем понятно, что говорилось не „жить *въ* деревнѣ“, а „*на* деревнѣ“: „жити мнѣ Кручинѣ съ своими дѣтьми у N.. въ Тифинскомъ погостѣ, *на* деревни *на* участки на Стрѣтиловѣ во крестьянѣхъ“, 1626, А. Ю. 205;

как выше $1/2$ села, так: „и тотъ, господине, N съ отцомъ своимъ N и съ братьею живутъ у меня на моей полудеревни силно“, 1532, ib. 38; об одном и том же участкѣ купчая XV или нач. XVI в. говорит: „поля села земли.. дворъ и дворищо, и орамые земли, и пожни, и притеребы.. и въ перевѣсищахъ половина“, а грам. 1532 г. — „то, господине, деревня Борисовская... половина деревни и земли моя“, А. Ю. 38 слѣд. Впрочем такое отождествленіе рѣдко; чаще различается *селцо* и *деревня*, на пр. А. Ю. 121, 123 и особенно *село* в позднем смыслѣ болѣе обширнаго поселенія с церковью и *деревня* в знач. 3 и 4, т. е. меньшаго поселенія без церкви: „село Тутаново, а въ немь церковь Илья Пророкъ, а къ селу деревень: деревня Телешово, дерев. Воронково и пр.“ 1542, ib. 418, 436 и пр. Сюда — лѣтописныя выраженія, как „много пожгли селъ и деревень“ 1522, Новг. лѣт. изд. 1879, 129.

В мр. значенія 1 и 2, если и были, то, по видимому, несохранились; к значенію 3 нѣсколько подходит мр. *дере́вня*, дом (Mikl. Gr. II, 122; „у міщанина новая деревня... великая се́мъя“, Бердич. Метл. 281; оддай мене, брате, В чужую деревню, між велику семъю, Конот. ib. 280); значеніе 4 извѣстно лишь по наслышкѣ. Отлично от этого мр. *дере́вня*, в коем суффикс означает не мѣсто, как в вр. словѣ, а собирательность (как в *комашня́*), а тема перед ним взята из *дерев-о*: 1. бревна: „навалив дере́вні, так що на дві хаті буде“ Аѳ. Чужб. Слов.; „погорільцям, хто чим спромігся, тим і щирував: хлібом.. прядивом, дере́внею, то́-що“, Лист до хліборобів про жучка, Х. 1880; в одной ск., записанной И. И. Манжурою, пан спрашивает у мірошника: „какая это деревня?“ (т. е. село) — „Та всяка, пане: є й сосна, і дубина й осокорина“; тому же лицу в Александр. у. Екат. г. один старик объяснил: „так у нас село зветься село, а деревні (в этом смыслѣ) нема. Та це городовики (захожіе жители Полт. и Харьк. г.) так звуть, бо в них все рублені хати“; 2. (по объясненію г. Манжуры) *дере́вня*, деревяныя издѣлія (возы, плуги, ярма, грабли, оси), за исключеніем посуды (как бочки, кадки,

барпла, миски, ложки), которая называется деревъяний *по́суд* и просто *по́суд.*

Значенія вр. *деревня* (росчисть, нива, поселеніе), частью взятыя отдѣльно, частью в совокупности, представляют сходство со значеніями нѣскольких других слов.

По корню сродны с деревня нынѣшнее свр. *дер-юга,* росчисть и стар. *доръ,* сѣнокос, пастьбище („на дору блазѣ напасуся", Бусл.); *дорище,* мѣсто гдѣ дор, земля с покосом: „кому то вѣдомо, что то дорищо — *роскоси* вашихъ деревень? Чье то сѣно за монастырскимъ отводомъ?" — „То, господине, сѣно стоитъ нашо лонское, а придали нам.. то дорищо волость к нашим деревнямъ къ Борку да къ Мысу, а вѣдомо.. старостѣ Гридкѣ Никитину да Оникей Шостакову, что то дорищо — наших деревень". И судьи спросили Гридки да Оникея: „кто тѣ *доры косятъ?* Укажите вы тѣмъ *дорищомъ* межу"... „а вы укажите тѣмъ *покосомъ* межу, что есте продали". И судьи велѣли межу учинити *дору* по старой межѣ, куды коса съ косою сходилася", 1490, Правая гр. Кириллову монаст. А. Ю. 12; „*доры,* нашихъ деревень *покосы*", ib. 11. Очевидно, что *доръ* значит собств. тоже, что нынѣшнее свр. *драка, чища* и что значеніе сѣнокоса столь же производное, как и знач. пашни и сѣнокоса в лот. *tîrums,* чистота, росчисть, нива; лит. *lidimaĭ* новая нива или пастьбище на выкорчеванном мѣстѣ, лот. *lîdums* die rödung, *lîdumu lîst* (наст. lîžu) дор драть, rödung machen. В южной Руси (лѣсной) встрѣчается „остров" поля урочищем *Дрище* и остров поля *На выдраномъ деревищу"* (Ревизія Кобринской Экономіи 1563. Изд. Вил. Ком. 56, 64; 287). Вообще сл. *доръ* к значенію поселенія неперешло, но отдѣльныя жилыя поселенія носят это имя: „деревня Дорокъ", XVI в. Костр., А. Ю. 175; „починокъ вотчинной Дорокъ Теряевъ со всѣмъ угодьемъ, что *изъ* того починка изстари потягло, съ луги, и съ лѣсы, и съ болоты, съ пашенною землею и не съ пашенною, куда ходилъ топоръ, и коса, и соха", 1567, ib. 151.

Свр. *подсѣка,* росчисть. *Розсѣчь,* id. 1490 г. А. Ю.

(см. ниже это мѣсто). *Пасѣка* с двумя различными значеніями: 1. русс. (южн. а м. б. сѣв.) и чеш. (Arch. f. Sl. Phil. III, 78) тоже что розсѣчь: „нива на пасѣкахъ", Писцовая книга Пинскаго староства, 1561—6, 154. 2. ст. поль. засѣка, завал из срубленных деревьев, и отсюда осѣченный, огороженный, заповѣдной лѣс: „a kazał wynieść pasiekǫ (священную рощу) precz z domu bożego, IV Reg. 23, 6, Bibl. Zof. 229; złamał sochy (нов. słupy) a posiekał pasieki (=gaje), ib. 23, 14; posiekał pasieką, ib. 23, 15; 3. мр. поль. пчельник (соб. находящійся на срубѣ (=на пасѣкѣ) или *в* пасѣкѣ=рощѣ, а теперь—вообще, хотя бы и вынесенный в поле, „в гречки". Подобным обр.:

Осѣкъ „1. ограда из срубленных деревьев (вокруг лѣсу, или для скота, или как укрѣпленіе; с послѣдним ср. серб. *брвеник,* назв. нѣскольких мѣст, о которых разсказывают, что они были огорожены бревнами, Русс. Ф. В. 1880, IV 259); сюда серб. город *Осjек*; 2. осѣченный участок лѣсу, или в рубку выдѣленный, либо заповѣдной, либо с ульями и бортями; 3. росчисть под пашню (Даль); „а отъ трехъ елей да на осѣчекъ, что на жилу сѣченъ" (т. е., вѣроятно, рублен живой, неподсоченный), 1509, А. Ю. 164.

Сѣча 1. южно-русс. тоже что осѣк 1, укрѣпленіе, сѣчь (на пр. Запорожская); 2. свр. (а м. б. и ю. р.), росчисть под пашню и под жилье, 1504, А. Ю. 20—1.

Чертежь, росчисть. Так в Новг., XV в. А. Ю. 117 (это мѣсто см. ниже); в юж. рус. „нива Чертеж", Писц. кн. Пинск. стар. 398; остров поля На Чертежу, нивы за Чертежом, Ревиз. Кобрин. Экон. 66, 61; *На Черченомъ,* ib. 289. Неясно, в том ли самом смыслѣ в ст. серб. „село Бистрица сь вьсѣми мегами и правинами, како исходи оть Чрьтежа низь поле на извор" и пр. 1378, Šafar. Památ. dřevn. pís. Jihosl.², 104. *Чрьтити* относится и к рѣзанью земли плугом (ср. серб. *цртало* чересло плуга), но здѣсь предполагается в знач. нынѣшняго свр. *чертить* лѣс, подсачивать деревья, готовить к рубкѣ сбивая кору, при коем лит. *kertu, kirsti,* лот. *cirtu, cirst* рубить.

Околодокъ. Из приведенной выше Новг. гр. XIII в. можно заключить, что *„пень* и *колода“* было названіе лѣсосѣк, *валко́в;* ср. „нива урочищемъ Подколодзье“, Пинск. писц. кн. 220, нива за Великою Колодою, ib. 222; застѣнокъ урочище Заколодзье, ib. 194; нива урочище за Пенякою, ib. 220; нивы на Пневью, Рев. Кобр. Экон. 291. Взявши во вниманіе, что *т* в *околоток,* принимаемое Далем и Гротом (Фил. Разыск. Указат.) м. б. такого же происхожденія, как *т* в *буточник* (у Островскаго, и часто), думаю что слово это не родня слову *околица,* а лишь его синоним, и что отмѣченное Далем зн. Чувашская деревня предполагает знач. поселка вообще: *о-колод-ок* могло значить поселеніе, дворы, как находящіеся вокруг, близь *колоды*—пасѣки. Ср. выше мр. *о-сел-я* и ниже *ополье:*

Свр. *пожéга,* росчисть выжженная под пашню: „сѣять на пожéгах“, Д. Такого же происхожденія назв. серб. города Пожега. Ср. свр. *гарь,* id.: „розсѣчи“ т. е. „дорища и гари“ 1490, А. Ю. 11. *Выгарь,* id: „а отводъ тѣмъ землямъ... отъ осѣку N ручяемъ N вверхъ посередъ выгари, да черезъ болото прямо на Гулаковской осѣкъ на старой и пр. 1539, А. Ю. 122. Южно-русс. „островъ поля *на Згорѣльцахъ*“, Рев. Кобрин. Эк. 291, чѣм объясняются западно-слав. назв. поселеній: *Zgorzelec* (Brandenburg) и *Zhořelice.* Остров поля *На Поджаркахъ,* Рев. Кобр. Экон. 288. Островъ поля за Ждчаромъ, ib. 57 (т. е. за Жджаромъ; в Пинской писц. кн. застѣнок урочищем za Zdziarem), на Ждчарномъ, ib. 60. Основная русс. ф. есть *изжяръ* или *с(ъ)жяръ* откуда *ж-д-жяръ.* О звуковом процессѣ—К ист. зв. II, 21—2, 37 сл., 43. Чеш. *ždar* (из ždžar) имѣло нѣкогда нарицательное значеніе plantatio recens (=мр. новиця, вр. новотереб, выгарь), и отсюда стало собственным именем многих поселеній (Arch. f. Sl. Phil. III, 76). Собств. имена лотышских дворов, указывающія на выжженный лѣс и росчисть—у Bielenst. Lett. Spr. I 325.

Починок, свр. Явственное этимологическое значеніе этого слова (початок, начало), как признает и Даль, относится к закладкѣ не поселенія, а „новой пашни в лѣсу“,

так что 2-е знач. — чища и пр. и уже отсюда — двор, выселок. Починок мог (а вѣроятно и может) быть и без двора: „Се купилъ N у N землю.. на островѣ и дворъ за рѣкою.. и пожни.. съ притеребы, и Плоскую веретею, и *починки* свои, *чертежища* свои, всю свою треть N острова“, Новг. XV в. А. Ю. 117 (см. стр. 21). Акты иногда говорят о возникновеніи починка в смыслѣ поселенія: „посѣкли лѣсъ.. почали ставити дворъ на той сѣчѣ а землю почали пахати“, 1507, А. Ю. 20—1; отводчики Кириллова монастыря говорятъ: „то, господине *розсѣчи* — Кочевинскіе, а отцы наши да и мы.. тѣ *розсѣчи сѣкли* отъ сѣхъ мѣстъ лѣтъ за пятьдесятъ; а тѣ *дорища* и *гари* были Кочевинскіе; а ту *пустошь* обвели есмя по старинѣ; а то.. Савка почялъ ставити дворъ сее осени на.. отца моего розсѣчи.. и на *розсѣчи пахалъ*“; этот Савка говорит: „отвели у меня *починокъ* къ своей пустоши къ монастырской“, 1490, А. Ю. 11. Нерѣдко, по Новг. писц. кн. XVI в., двор ставился на участкѣ, когда пашня еще небыла распахана, а лишь приготовлена, или когда она только начиналась, еще недавая дохода, подлежащаго подати: „Починокъ Лешино, дворъ Ѳедко, пашни нѣтъ, сѣлъ ново; поч. Пепелниково, дв. Ивашко Исаковъ, сѣетъ ржи коробью, дохода нѣтъ, сѣлъ ново“, Соколовскій Экон. быт 151—2. *Сажать* починки: „тѣ деревни и починки—изъ старины земли митрополичи, а словутъ селца; а язъ.. да язъ.. на тѣхъ селцѣхъ, на *старыхъ деревняхъ* и волостели бывали отъ прежнихъ митрополитовъ; а тѣ *новые починки* мы сажали-жъ.. по лѣсомъ“, нач. XVI в. А. Ю. 10.

Застѣнокъ. Для объясненія этого слова, нужно начать издалека.

Нынѣшній порядок крестьянскаго землевладѣнія на непривлекательном для высших сословій и малодоходном далеком сѣверѣ Россіи носит признаки глубокой древности. Есть указанія, что нѣкогда он простирался далеко на юг. Существенныя черты его видны из слѣдующаго. Примѣрно, Городищенская волость, Устюж. у. Вологодской г. (по свидѣтельству современнаго наблюдателя, г. Остроумова,

Соколовск. Экон. быт 136 слѣд.), всего около 2000 душ, на площади, имѣющей в длину болѣе 30-и верст, так что до других волостей и селеній гдѣ 20, гдѣ 30 верст. *Земля* в ней *принадлежит* Богу и *миру* (т. е. по старинному земля—„*черная*", „Государева" в государственном смыслѣ, в отличіе от „княжих" или „подклѣтных" сел, позднѣе „дворцовыхъ" и от владѣній „помѣстныхъ", И. Бѣляев, О позем. влад. 3). Иначе сказать: земля в ней есть *волость* совокупности держащих ее крестьян [16]). В частности эта земля двух родов:

Во 1-х, старыя, по времени обработки, зе́мли, давно окупившія труд перваго их дѣлателя. Это — трехпольныя

---

[16]) *Волость,* собств. владѣніе. а) в нынѣшнем вологод. и в старину *в.*—земля, поле, позем (Д.); б) совокупность крестьян, держащих волость, и выборные от них („старосты, цѣловальники и всѣ крестьяне" 1553, А. Ю. 158; таково, вѣроятно, происхожденіе и польских королевских старост); „придали нам то дорищо волость къ нашимъ деревнямъ", 1490, А. Ю. 12; в) синоним *села,* как совокупности деревень: „та деревня Веретея—Норского села... одна отъ Норскіе волости отошла а стоитъ межъ земель монастырскихъ деревень.. а монастырскіе деревни.. на другой сторонѣ рѣки Волги стоятъ межь земель Норскіе волости деревень", 1556, А. Ю. 137. *Держать* — владѣть („почему вы тѣ деревни держите", на каком основаніи владѣете, 1482, ib. 160). По Караdж. (Рјечн. *село*) в серб. „једно село—доклегод његова земља *држи*", куда простирается *држава* этого села. В этом же значеніи, по сообщенію М. С. Дринова, *држава* и в болгарском.

При вмѣшательствѣ государственной и частной власти, вмѣсто отождествленія бога и мира, как державцы волости, встрѣчаем волость (войтовство) как рабочую силу: „робота подданымъ черезъ войта маеть быти заказана дня неделного, с чымъ и на который день волость до роботы прыйти мають", а кто невыйдет, то за 1-ый день „огурного" грошъ, за 2-ой барана, „а коли и търетий разъ огурыться, ино бичомъ на лавъце скарати" Устава на волоки" 1557. Памят. изд. врем. Кіев. Ком. II, 2. 53; „odpowiedźiał pachołek z litewska, iż ta wołość, która owies wiezie, niemogła tu dźiśia dociągnąć", Górnicki у Линде s. v.

пашни, окружающія извѣстную деревню (поселок) волости, унаваживаемыя через 2 года на третій и, подобно лучшим сѣнокосам за этим отводом, во время ревизій идущія в передѣл между крестьянами.

Во 2-х, земли *„за полями"*, вдали от деревень. Это *дерюги* и *дерюжки*, полянки, разчищенныя отдѣльными членами общины. Росчисти эти скоро истощаются, на 3-ій—4-ый год требуют удобренія; а так как его мало и на лучшія земли, то запускаются, заростают лѣсом и замѣняются другими. В уваженіе личнаго труда, положеннаго на их распашку, они общиною у крестьян, пока этот труд не окупится, неотбираются, а за тѣм лишь в опредѣленных случаях присоединяются к общим землям. Если крестьянин, за малостью участка в землѣ 1-го разряда, выселился из села на свои дерюги, основал новую деревню, *выставку*; то при передѣлѣ, вмѣсто своего прежняго надѣла, он может получить дерюги около своего двора, а в особину поищет себѣ дальше. Если эта выставка — вблизи другой деревни, то может впослѣдствіи поступить в общій передѣл с землями этой деревни.

Б. м. приведенное выше может объяснить термин *опольная земля*, встрѣченный один раз в Псковской судной грамотѣ (конца XIV или XV в.) и, судя по изд. в Хрестоматіи по Ист. Русск. Права Владимірскаго-Буданова, I, 130, толкуемый неудовлетворительно *):

„А коли будетъ съ кѣмъ судъ *о земли ополней* (т. е. опольнѣй) или о водѣ, а будетъ на той земли дворъ, или нив*и* (=ы) розстрадн*и* (=ы), а стражетъ или владѣетъ тою землею или водою лѣтъ 4 или 5; ино тому исцю (т. е. отвѣтчику) съслатся на сосѣдъ, человѣкъ на 4 или на 5. А (если) сусѣди, ставъ, на конхъ шлются, да скажутъ. какъ правъ (=о) предъ Богомъ, что чистъ (=что отвѣт'

---

*) ib. прим. 23: „Энгельман (вм. ополней) читает: *о полней* (отдѣляя *о*, как предлог). Мурзакевич переводит: *ополняя*— полная земля, наемная, договоренная („полный хозяинъ"). Устрялов: „пахатная земля".

чик прав) и (что) той человѣкъ, которой послался, стражетъ и владѣетъ тою землею или водою лѣтъ 4 или 5, а (=и что) супротивенъ (=sąpierz, истец) въ тѣ лѣта, ни его судили, ни на землю наступался или на воду (невчинал иска, незаявлял претензій); ино земля его (=отвѣтчикова) чиста, или вода, и цѣлованіа ему нѣтъ (=присяга непужна). А тако недопскался (=невыигрывает дѣла), кто несудилъ, ни наступалъ ся въ ты лѣта". Слѣдующая ст. той же грамоты (ib. 131) разсматривает сходный случай, именно суд на „сѣнѣхъ" „передъ осподою" (по Пск. гр. 1483. А. Ю. N 2 = передъ Господиномъ Псковскимъ, т. е. князем, посадниками степенными и соцкими) „о *лѣшей земли*", т. е. о лѣсных угодьях. Способ рѣшенія различен, п. ч. во 2-м случаѣ предположено, что и свидѣтельства межников и грамоты противорѣчат друг другу; но в обоих случаях предмет спора—земля находящаяся *внѣ полей* и в продолжительном пользованіи. Ср. Яросл. *ополок*, лужек за полями, к лѣсу. Можно думать, что споры о чаще передѣляемых *полях* рѣшались на мѣстѣ и недоходили до „осподы".

На „опольной землѣ" могло и не быть двора, но она должна была подвергаться разработкѣ (нивы разстрадны, страдати, см. выше, прим. 5), иначе теряла в теченіе 4—5 лѣт признаки личной собственности.

Этимологически *ополье* может значить „то что вокруг поля или полей", т. е. на пр. совокупность участков вокруг полей. Неможет ли быть доказано или сдѣлано вѣроятным слѣдующее: Община превращает извѣстный участок в поля и выти, за тѣм разростаясь и дробясь, расходится от этих полей, как от средоточія, так что новые поселки на розстрадных землях образуют *круг*. Эти поселки сохраняют между собою связь, выражающуюся внутри в общем пользованіи полями и угодьями, или только послѣдними, во внѣ—во всякого рода *круговой* порукѣ. Непредполагается ли как жительство около поля, так и происхожденіе из него круговой поруки польским *opole*, круговая порука цѣлаго уѣзда (Воцель, Древн. быт. ист. Славян, 163; П.

Лавровскій. Коренн. знач. в назв. родства, 98—9, сравнивает *opole*, русс. *вьрвь* и чеш. околицу; оба ссылаются на Roeppel-s Geschichte Polens, 1 Beil., Ueber vicinia oder opole, 615). У Линде: *opolna* góra w górnictwie, szyb górniczy *na boku opodal* leżący (ср. выше опольная земля); „wespół się witali z *opolną* radością“, что предполагает знач. *общій* и м. б. вовсе не одного происхожденія *obopolny* (оба-полы); *Opol*, город в Шлёнскѣ, *Opole*, город в Любельском; нариц. (ст.) род дани. — Переход значенія от окружности к общности можно предположить в *обьить*, рус. *обьчь* (*абhи-тја) communis; стало быть не свой в тѣсном смыслѣ, откуда поль. *obcy* посторонній, чужой, подобно тому, как в Русс. Пр. *дикая вира*, платимая вервью „въ обьче“, м. б. собств. значит „несвоя, чужая (ср. *дикій* звѣрь в противуположность свойскому, *дикое* поле, т. е. степь, — никому непринадлежащее; ср. также противоположеніе между „свой“ и „людскій“:

„Як угадаєш, то моя будеш,
„Як невгадаєш, то людьска будеш“,

т. е. достанешся „людям, не мені“, Чуб. III. 314—5). — Иное представленіе, тоже относящееся к общинному владѣнію, но заимствованное от смежности полей (вр. *суполь-е* смежныя поля, *-ный* смежный, о полях) находим в поль. нарѣчіях *społu*, *we spół* (отк. wspólny), *społem*, *po społu*, съобща, предполагающих **съполъ=*сжполъ*, коего конечное *ъ* относится так к мягкому оконч. в *полѥ*, как соловарня, недосолъ к соль. В отличіе от этого сельскаго слова, *commūnis*, общій, возникло в городѣ обнесенном стѣнами (moenia).

Такого же значенія особины, как в *опольная* земля, слѣдовало бы поискать в ст. серб. *засельк*ъ [„село N сь вьсѣми мегями (межами, т. е. с тѣм что входит в „отводъ“, *обрубъ* (зап. русс.) этого села) и сь засельки“, с тѣм что за селом, в смыслѣ б. м. относительно-частнаго владѣнія за межами общинных земель] и в западно-слав. *заполье* (поль. *zapole*, ч. *zapolí*).

Как бы ни было, слѣды вышеупомянутаго свр. раздѣ-

ленія общинных земель на *поля* и *заполья* можно усмотрѣть и в Литовской Руси (см. изд. Вил. Ком.: Писцовая кн. Пинскаго староства, 1561—6; Ревизія Кобринской Эк. 1563; Описи Волын. имѣній, в Пам. Кіев. врем. ком. III).

Надобно думать, что и здѣсь нѣкогда село в смыслѣ общины было полномочным владѣльцем своей земли, на сколько это было совмѣстимо с правами сумежных или *судеревных* сел [17]). Смежныя села, как теперь мѣстами в сѣверовосточ. Россіи, по отношенію к извѣстным угодьям могли составлять одну общину. И послѣ того, как онѣ стали королевскими (государственными, дворцовыми) и панскими, права их остались в силѣ по отношенію к землям *немѣреным,* разумѣется, если гдѣ оставались такія земли. Общее одному, двум или нѣскольким селам пользованье в невымѣренных с фискальною цѣлью землях и пущах угодьями (выпустами и выгонами, водопоями, сѣножатями, бортными уходами, болотами, водами и рыбными ловлями) многократно называется „стародавным звычаем“, коего, опять таки „wedle zwyczaju starodawnego“ неимѣли права нарушать личные собственники смежных имѣній, Писц. кн. Пинск. I, 132, 138, 152, 158, 168, 190 и пр.

В прошлом или позапрошлом году появилось в газетах извѣстіе, что крестьяне нѣскольких сел Черниговскаго уѣзда с одной стороны и помѣщики с другой заявляют притязаніе на участок земли за 500 дес., нѣкогда лѣсной, теперь выкорчеванный. Пред судом крестьяне (бывшіе, именно с XVIII в., крѣпостные) называли эту землю *сібра, сябра* (м. б. **себрá=*сября,* прилаг. притяжатель., т. е.

---

[17]) Подданные села Бродниц в Пинском староствѣ жаловались, что подданные пана Полоза, села Рыловец, имѣющіе с Бродничанами в пущѣ общіе и судеревные уходы (spolne a sudzierewni (sic) uchody) перешли через старую границу, через стружку Обровку в дубровах их с п. Полозом судеревных и росчистила (przerobić) поля волоки на $1^1/_2$, между тѣм как п. Полоз „iedno sudzierewem uchody mieć miał, a przerabiać nie mogł“, Писц. кн. Пинск. I 242—4.

принадлежащая *сябрам;* ср. держати ліс etc. на гурт, *на сібру, на сябру), сіберщина,* а себя *сябрами.* Нѣт сомнѣнія, что это — тот же вышеупомянутый „стародавной звычай“, древнее историческое право, пережившее время закрѣпощенія и ни во что вмѣненное лишь в наши дни. Бр., ю. вр. *сябр, сябёр, шабер* и до нынѣ означает сосѣда преимущественно как пайщика: два общіе хозяина одного гумна—шабры; „пустоши сняли на пять шабров“ (дворов, тягол). Отсюда лит. *sébras,* товарищ, преимущ. участник в предпріятіи или владѣніи, половинщик, лот. *sebrs,* товарищ, друг. Серб. *себар,* земледѣлец, стар. *себрь,* свободный простолюдин, не раб, и не „властелин ни властелпчпћ“ (Дан., Mikl.); хорут. *sreber,* rusticus. Миклош. Fremdw. отдѣляет это южносл. *себръ,* относя его вмѣстѣ с Шафариком, Starož. 15, 6 к имени народа Σάβειροι, от русс. *сябръ,* socius, при коем ставит русс. *сѧмбръ,* мадьяр. *szimbora, czimbora, zimbora* consortium, греч. σημβολον (договор, складчина, вклад). Такое раздѣленіе мнѣ некажется убѣдительным. Слово остается темным. На русс. почвѣ форма *сябръ* не позже, чѣм с нач. XVI в. (Ак. Зап. Р. N 204, 1503: „а сябровъ городскихъ въ пригонъ нашъ негнати ани въ подводы, аки въ ловы“), но б. м. неменѣе древня и *себръ,* если предположить, что ст. зап. русс. *серебщизна,* род земской подати в в. кн. литов., слово которое пытались объяснить сближеніем то с *серебро* (якобы подать серебром), то с *серп* (на основ. поль. напис. sierpszczyzna)= **сербщина*=**сербщизна,* т. е. кромѣ значенія = нын. сѣв. мр. *себерщина.* Об этой подати Уставъ на волоки 1557 г. говорит: „серебщызна на подданыхъ нашыхъ абы николи от волов и клячъ небрана, одно з волокъ, однако с кожъдое, неужываючы (=неуважаючи?) розности кгрунту доброго и подлого; а з Рускихъ волостей серебъщызна по сътарому и тамъ *где померы нетъ*“ (Пам. изд. врем. Ком. II, 2, 52). Мнѣ кажется, это, значит, что до измѣренія земель эта подать платилась волостью, всѣми сябрами съобща, а по измѣреніи перенесена была на волоки, стало быть отличалась от поголовщины.

Село XVI в. в Полѣсской или Волынской королевщинѣ или в большом панском владѣніи представляется в таком видѣ:

Земли его, как и в сѣв. Руси, двоякаго рода.

Во 1-х, свр. полям близь села соотвѣтствуют *волоки* (выти, пашни), иначе *обрубъ* (Пинск. кн. 174) того села. Гдѣ помѣшала чрезмѣрная черезполосица с частными владѣльцами (ib. 410) или топографическія условія, там в королевщинах эти земли приведены к формѣ болѣе-менѣе прямолинейнаго четыреугольника [18]). Границы волок называются *стѣнами*. В Арх. г. и теперь *стѣна*, изгородь для отдѣленія полей и сѣнокосов от пастьбищ (П. Ефименко, Юридич. знаки. Ж. М. Н. Пр. 1874. X, 62); но стѣны волок „гнались“ сохою („давалъ бы еси.. сохъ зъ волами для розганянья уволокъ съ потребу“, Лист Сигизм. Авг. Писц. кн. Пин. I 2; „dwie polia temu siołowi z jedne strone rzeki Brodnice uczynione i scianami obegnane, ib. 232), или нерѣдко вдоль болот и пущ. В нынѣш. бр. *сцена, сценка*, дорожка в видѣ межи между полями. Мр. *стінка*, нарицат., лѣсок; собств. назв. многих лѣсных островов. В виду этого, а равно и того, что в средней Россіи нѣт мѣстных условій, при которых, как в Адріатическом приморьи, границей поля мог бы становиться каменный вал или каменная стѣна, можно сблизить *стѣна*, граница волок, не со *стѣна* murus (гот. *stains*, stein, греч. *στία* камень), а со *стѣнь* (скр. чhâja, гр. *σκιά* umbra). Ср. ст. вр. „*ра́ма*, межа, граница, обвод, обход участка земли; *рама*, нынѣ *обраменье*, край, предѣл, конец пашни, которая упирается в лѣс, либо расчищена среди лѣсу, как встарь большею частью, а нынѣ тож нерѣдко на сѣв. и вост. Руси; отсюда *зара́менье, ра́мень* ж., *ра́менье*, лѣс сосѣдній с пашней“, нынѣ в свр. вообще дремучій лѣс, где только по

---

[18]) Черта, конечно, новая сравнительно с обычным в свр. (и серб., болг.) грамотах „отводом“, как „отъ слободы межа да вверхъ вражкомъ до мху, до зыби, по елемъ и по березамъ, по гранемъ, да на березу на великую и пр.“ А. Ю. 161.

опушкѣ есть починки и росчисти; волог. *раменье*, селеніе, деревня под лѣсом; собств. имя деревни (Даль; Бусл. Оч. I, 99). *Борозда* sulcus, сколько извѣстно, нигдѣ нестало нарицательным именем лѣса; но судя по тому, что лѣсная мѣстность верстах в 12 от Ромна, Полт. г. близь мѣстечка Хмелова называется *Борозе́нка, на Борозе́нці, за Борозе́нкою*, можно ожидать встрѣтить это слово в собств. именах лѣсных участков. Несомнѣнное сочетаніе значеній границы (и страны), лѣса и угодья, находящагося в общинном владѣніи, представляют: гот. *marka*, limės (лат. margo), дрвн. *maracha*, *marcha*, confinium, terminus, provincia (Grimm, Rechtsalterth. 496), волость, silva, communis silva civium (а сканд. *mörk* только silva, nemus, ib. 497), нов. нѣм. *mark*, *markgut*, *markwasser*, лѣса, луга и пр. принадлежащія общинѣ (ib. 500).

В этих „стѣнах“, или в этом „*обрубѣ*“ земля раздѣлена была на три поля (рѣже на 2 половины по три поля в каждой), по стольку то в полѣ, или по выраженію вр. грамот „да в дву по томужъ“, а каждое поле на одинаковое число *резовъ* (рѣзов, нарѣзов), то есть третей чиншеваго участка, *волоки*, о соответствіи коей вр. *выти* упомянуто выше. Конечно, податной характер волоки, как и выти, есть позднѣйшее наслоеніе: притязаніе на подать застало в народѣ исконный обычай дѣленія пашни на волоки.

Иногда чиншевыя волоки немогли быть сведены в один обруб и для составленія каждой из них складывалось извѣстное количество разбросанных островов поля (Рев. Кобрин. Экон. pass.).

Числу волок обыкновенно соотвѣтствует число дворов; но иногда по нѣскольку хозяев, по маломочности ли, по недостатку скота, или потому что имѣют другіе промысла, складываются на одну волоку; иногда нераздѣлившіеся родственники, как отец с сыновьями, братья, берут по 2, по 3 волоки; иногда неравенство может происходить от того, что извѣстное лицо, сверх чиншевой волоки получает еще вольную волоку за особенныя прежнія заслуги, или за отправленіе должности: за войтовство, тивунство, гуменниц-

тво, боярство конное и путное и пр. Такого рода неравенство, mutatis mutandis, может быть, восходит в глубокую древность. Иногда волоки остаются неразобранными, на пр. в селѣ Селищѣ Пинск. староства, в обрубѣ в каждом полѣ по 20 рѣзов, всего поля 20 волок, из коих взято 3 восемью господарями, в том числѣ одним из другого села. Стало быть в этом селѣ до 7-и дворов (Писц. кн. Пинск. 158).

Из обычных выраженій, как „въ томъ селѣ — волокъ (столько-то) кгрунту середнего v. подлого“ слѣдует, как уже упомянуто, что и здѣсь под селом разумѣется земля, в частности обруб, независимо от усадеб.

Село в смыслѣ *селидб* или *садиб* обыкновенно расположено в среднем полѣ в один ряд, „одною *полатью*“, при чем другую полать на противоположной сторонѣ улицы образуют гумна. Рѣже—в двѣ полати. Иногда село оставлено по старому за волоками: „to sioło w zascianku po staremu zostawiono, za scianą boczną włok tegoż sioła“, Кн. Писц. Пинск. 162.

Во 2-х, *за стѣнами* волок села, на тянущей к нему немѣренной землѣ, кромѣ выпустов, выгонов, сѣножатей и др. угодьев этого села, находятся его *застѣнки*, отдѣльныя нивы, острова поля, частью, что относительно ново, тоже обложенные чиншем, частью составляющіе *наддавки* v. *наддатки* к волокам земли дурнаго качества. Что в лѣсных мѣстностях это были росчисти, соотвѣтствующія сѣверным дерюгам, видно из названій, как приведенныя выше (На Пасѣкахъ, Дрище, Жджаръ, Чертежъ) и другія: застѣнокъ *Нетра*, урочище *На Нетрѣ* (Пинск. 146, 148, т. е. Не-тря); з. урочищемъ *Хоиноватица* ib. 170; ур. *на Бору*, ib. 216; заст. нива урочище *Щироборы, Щироборье*, ib. 394—8; з. нива *Турино поле*, ib. 389; заст. нива *За Просикою у Язвинкахъ*, ib. 390, 392 (вѣроятно *язвина* в см. лисьей ямы); *На Свепетахъ*, Рев. Кобр. Эк. 59, 63, 287 (*свепетъ* род борти или лѣснаго улья, К ист. зв. III, 94); заст. ур-мъ *Несѣль*, Пинск. 314 (т. е. не поле; ср. на оборот: нива ур-мъ *Селище*, на заднем *Селищи*, ib. 170; 254);

заст. островъ поля урочище *Прниивокъ*“ со всѣх сторон окруженный болотом, ib. 168 (ср. вр. при-теребъ); з. нивка ур-мъ *у Бервѣхъ, у Бервецъ*, ib. 150, 152, среди болот (ср. с. вр. „анбаръ на рѣкѣ на Онѣгѣ на водѣ... да двѣ берви у апбара, да отъ анбара мостъ плавучей къ берегу, да третья бервь съ берегу, а въ томъ ему и въ бервѣхъ и въ мосту плавучемъ половину продалъ.. а продалъ есми ему амбаръ свой и съ *бер(в)ми* и съ мостомъ безъ выкупа, а починивати намъ берви и мостъ по половинамъ“, 1544, А. Ю. 123; серб. *брвина*, даска или греда преко воде, да само *људи* могу прелазити“). Застѣнки называются иногда по имени прежних владѣльцев, на пр. нива урочище *Стринадинское*, п. ч. его держал перед тѣм Пинск. мѣщанин Стринадка, Пин. кн. 108; по имени перваго, кто „розробилъ“ поле: заст. ниву ур. Ходорова роспаш держит сын, Микита Хведзькевич; ниву ур. Дмитрова роспаш держит сын Хома и другіе Дмитровичи, ib. 396. Т. о. и здѣсь есть слѣды наслѣдственнаго права па предковскія росчисти; но здѣсь признанію со стороны волости права безвозмездно пользоваться своею или предковскою росчистью соотвѣтствует лишь льгота от чинша, даваемая казною или паном на нѣсколько лѣт, ib. 256, 258 и пр. Бо́льшій льготный обруб, заключающій в себѣ извѣстное число измѣренных волок и рѣзов в трех полях, еще только предназначенных к раздачѣ, без поселенія, называется *воля* (откуда *Воля*, собств. имя многих зап. мр. и поль. сел; в *свободѣ, слободѣ* тоже б. м. первоначально наличность дворов небыла необходима). Так на пр. при селѣ Велесницѣ — воля Велесницкая „która w dubrowach uroczyszcza Sunickiego boru na włoki nowo rozmierzona i woliej ot przyjęcia włok na lat siedm jest tym, którzy przymować będą, dano“, ib. 292.

Нынѣ *застѣнок*, *zaścianek* в зап. губ. значит также хуторок с двором.

В заключеніе к замѣченному выше переходу значеній

в *село, деревня, починок, застѣнок* от незаселеннаго мѣста к заселенному разсмотрю еще два слова: *корчма* и *dorf*.

Корчма́ (ст. русс. *кърчьма). С небольшими правильными звуковыми измѣненіями и со знач. caupona, schenke, это слово и во всѣх сл. нарѣч. а и отсюда в литовском (в лот. по видимому только заимствованное из нѣм. krogs), нѣмец. (kretscham), мадьяр. Сверх того: пьяный напиток: „отврѣзися кор'чмы варити и пити кор'чем", Русс. сб. XVI в., Вост. Сл.; „обрѣтоша и въ етерѣ весѣ корьчму пьюще и обидоша корчемницю воини", Макар. Мин. I, 15; в ст. серб. краль Стефан Первовѣнч. позволил в своей землѣ Дубровчанам „крчму да носе", Дан. Рјечн. из кн. ст. Отсюда *кърчьмьниця* caupona, как мѣсто, гдѣ *кърчьма*, potulenta, и русс. *корчемство* тайный провоз и продажа напитков. Так как ст. чеш. *krčma* значит также scyphus, а нѣм. *krug*, кружка, перешло к значенію caupona, taberna (откуда мр. „мед-вино *кружати, кружляти*, Метл. 406—7; вр. *кружало*, кружечный двор, кабак) [19]), то легко было предположить, что *кърчьма* caupona родственна с *кърчагъ*, vas fictile, dolium, urceus и первоначально значило тоже (Linde, Mikl. Lex. et Gr. II, 233). Однако считаю возможной другую догадку, ради коей говорю здѣсь об этом словѣ. Что, если корчма значило первоначально не мѣсто продажи напитков, а постоялый двор? Зап. русс. и поль. *корчма, karczma* есть столько же первое, как и второе. Караджичу при этом словѣ тоже приходит на мысль постоялый двор и тот порядок вещей, думаю древнѣйшій, напоминающій обычаи кавказских горцев и т. п., при котором люди обходятся и без кабаков и без постоялых. Он говорит: „Корчмы до недавняго времени в Сербіи, Бо-

---

[19]) *Кабак*, быть м. не из нѣмец. (*kabache, kabacke*, ветхая изба, Matzen. по Гримму), а с востока, со знач. вѣхи, вывѣски. У Осетин *кабак*, вѣха, шест с дощечкой, служащей мишенью при состязаніи в стрѣльбѣ на похоронах знаменитых лиц, в честь усопших, Сб. Свѣд. о Кавказск. горцах IX, Народныя сказанія кавк. горц. 16.

снѣ и Херцеговинѣ упоминались почти только в пѣснях; а то их небыло нигдѣ, развѣ кое гдѣ по городам да по планинам, гдѣ пѣт сел. Путешественник останавливается в селѣ, гдѣ застигнет его ночь, перед лучшим домом (куħа) и спрашивает, можно ли переночевать, а хозяин или кто другой из дома, говорит „можеш, брате, с драге воље и добро дошао!“, или же говорит, что нельзя, п. ч. нѣт сѣна для коней, или чего другого, и отсылает туда, гдѣ можно. Когда идет много народу вмѣстѣ, то они раздѣляются по домам. Всякій хозяин охотно пріймет к себѣ путника и угостит его, как лучшаго своего друга и знакомаго, и. п. если неслучится в домѣ ракіи (водки) или чего другого, то он пойдет к сосѣду или даже в другое село, займет да угостит. В нѣкоторых хозяйских домах почти каждый день бывают такіе гости“ (Рјечн.). Нетрудно себѣ представить, что первоначально корчем в тѣсном смыслѣ небыло, но при случаѣ всякое жилье, особенно стоящее на отшибѣ, становилось для путника *гостинницею*, *погостом* (см. ниже это слово). *Господа*, в мр. дом („просимо до господи!“) в поль. чеш. луж. переходит к знач. гостинницы, корчмы. Скр. *грā-ма-с,* толпа, куча людей, община, жители деревни, деревня, племя (одного происхожденія с гр. *ἀ-γορ-ά* собраніе), сближено с цсл. *грамъ*, дом или корчма, *громьница* корчма (Mikl. Ueb. *trêt*, 18; сюда и *громада* в мр., поль., луж. и пр. в смыслѣ сборища, сходки, общины). В виду этого не возможно ли предположить и в *корчма* два ряда значеній разнаго происхожденія? Во 1-х, это слово могло значить дом, господу, двор *на *корчмѣ*, „*дворъ на корчемномъ* мѣстѣ“, 1568 г. Ак. Юр. 127, т. е. на *корчевьѣ* или на *корчевѣ* (ср. *Корчева*, город Твер. г.; тема взята из *кърч-и-ти* корчевать от *кърчь* пень); сюда примкнуло зн. господы в см. гостинницы, а это дало возможность примѣшать сюда же, во 2-х, слово совсѣм другого происхожденія, *кърчьма scyphus*, так что собственно то слово *корчма* при коем мы думаем не столько о *кружалѣ*, сколько о *господѣ*, может вовсе неимѣть связи с выраженіями, как серб. „продаје на корчму“ в

раздроб, собственно кружками, а потом — по мѣлочам, на пр. яблоки.

Dorf. Гот. *thaurp*, др. вн. *thorp*, Я. Гримм (Wb. s. v.) сближает с гр. τόρβη, лат. *turba*, толпа, и думает, что основное знач.—сходка на полѣ, а за тѣм—земледѣльческая осѣдлость: „древнее значеніе и теперь еще сохранилось в Швейцаріи и Швабіи, гдѣ *dorf* м. и ср. значит: посѣщеніе (визит), сходка, собраніе, особ. друзей и сосѣдей: *ins dorf, ze dorf* gehen, пти в гости; *dorfer, dorfgang*, гость; *dorf bekommen* имѣть гостей; гл. *dorfen* посѣщать и принимать посѣщенія, особ. о ночных посѣщеніях дѣвушек женихами: „das mädchen hat schon gedorfet", уже принимает такія посѣщенія любовников или женихов; *dorfen* и вообще собираться, сходиться: *bergdorf* сходка на горѣ; *nachtdorf*, ночная сходка". Само по себѣ это объясненіе, по которому *dorf*, как скр. *грâма-*, значило бы во 1-х, сходка, во 2-х поселеніе, весьма вѣроятно; но оно становится сомнительным в виду того, что гот. *thaurp* значит не vicus, villa (у Ульф. для этого *veichs*, др. вн. *wîh*, сл. *вьсь*), а, как слав. *село*, ἀγρός, поле. Поэтому можно думать, что *dorf* сходка и *dorf* деревня—слова различнаго происхожденія. Первое вм. с Гриммом можно оставить при *turba*, а второе, вм. с Миклошичем (Ueber *trêt*, 14)—отнести к одному корню с ц. сл. *трѣб-ити*, теребить в см. корчевать, чистить, вр. *прітереб, новотереб*, хорут. *treb-ež*, росчисть, выкорчеванная нива. В звуковом отношеніи это сближеніе столь же правильно, как и 1-е (гот. *thaurp*: *трѣб-*=гот. *thaurn*: *тьрнъ*), а относительно перехода значеній подтверждается вышеразсмотрѣнными: *село* и пр.

Литература вопроса об общинном землевладѣніи весьма обширна и мнѣ малоизвѣстна. Поэтому я подвергаюсь опасности сказать общеизвѣстное, если по поводу нѣкоторых из разсмотрѣнных выше слов замѣчу:

Нѣкоторыя черты, наличныя или оставившія слѣды

в русс. сельской общинѣ, кажутся болѣе древними, чѣм обособленіе славянскаго племени. Таковы:

1. Свобода волости, т. е. то, что права волости на свою землю с угодьями ограничены, кромѣ случаев насилія, только правами сосѣдних волостей. В Германской маркѣ этому соотвѣтствует то, что ея участки (Märker, волощане) называли свою „державу" *die freie mark* (м. б. и такое значеніе было в русс. *свобода?*), своею прямою v правою собственностью, „rechtlich eigen", Gr. Rechtsalterth. 502.

2. Совмѣщеніе в волости трояких угодьев, или, что тоже, троякаго способа пользованья землею. По русской терминологіи, на сколько она выяснилась выше, это а) земля дѣлимая повытно, *поля, обруб в стѣнах волок;* б) особина, *починки, дерюги, застѣнки;* в) немѣренная земля: угодья, сгодья, ухожаи, уходы, лѣса и пр. Особина при достаточном просторѣ вызывалась тѣм, что земля перваго рода неудовлетворяла всѣм потребностям и что послѣ обработки ея оставался избыток сил. Если этого не было, то и особина могла существовать только в видѣ движимости, а в прочем лишь как право. Во всяком случаѣ такая земельная особина с точки Римлянина могла представляться отсутствіем личной собственности и существованіе ея у древних Германцев может быть примирено со свидѣтельством Цезаря: „privati ac separati agri apud eos (Suevos) nihil est, neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet", de b. Gal. IV, 1; „agriculturae non student (Germani)... neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios; sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierint, quantum et quo loco visum est, agri attribuunt, atque anno post alio transire cogunt", ib. VI, 22 (между прочим, как говорится далѣе, в видах уравненія). Недумаю, чтобы здѣсь мы имѣли право видѣть противорѣчіе с тѣм, что полтораста лѣт спустя говорит о Германцах Тацит: „*agri* pro numero cultorum ab universis vicis (вар. in vices, per vices) occupantur,

quos mox inter se secundum dignationem partiuntur. Facilitatem partiendi camporum spatia praestant. *Arva* per annos mutant, et superest ager“ (C. Tac. Germ. XVI, по изд. проф. Деллена, Кіев 1867, 235 сл.), т. е. „запмки дѣлаются съобща селамп (vici) [или „запмки дѣлаются съобща по очереди“ т. е. на пр. по жребію, как у кочевнпков выбпраются мѣста кочевья, Соколовск. Эк. б. 87], величиною, смотря по количеству пахарей, п вслѣд за тѣм распредѣляются, как кому слѣдует (тут может разумѣться как неравенство рабочих спл в семьях, так п преимущества пѣкоторых, оправдываемыя общественною службою п происхожденіем, ср. Grimm Rechtsalt. 503). „Это тѣм возможпѣе, что простору довольно“. [В предѣлах этой запмки (ager), заключающей в себѣ лѣса п пр.] „пашни (arva) опп передѣляют ежегодно, п еще остается пустопорожняя земля“ (нужная для пастьбищ, притеребов п пр.). Другое толкованіе, пгнорирующее то, что даже до наших дней сохранился періодическій передѣл пахотных полей на пр. мѣстами в Англіи (И. Сокальск. Англос. сель. общ. 135—7), см. Деллен l. c. Слѣды застѣнков, как особин, в болѣе новой нѣмецкой общинѣ (маркѣ) можно видѣть в том, что называлось *schutzband, szutzbann:* „es haben die N eigen schutzbann auszer der mark (понимаемой в тѣсном смыслѣ полей) abgesteint, aber in der mark nichts, das abgesteint sei“; „holz (лѣс) sei *mark* (общинная собственность) äcker und wiesen sei szutzband, solches mög einer dem andern zu kaufen geben“, Gr. Rechsalt. 499. О лѣсах п пастьбищах (wald und weide) как общинном владѣніи в Германіи и Англіи п о захватах того и другого государямп и лордами, см. Grimm ib. 498 слѣд.; Сокальск. l. c. 121, 132—6, 140.

4. Велпчпна выти (в полях) полномочнаго (К пст. зв. I 81) земледѣльца б. приблизительно одинакова в Россіи (см. выше), Англіи (выть *tide*=не менѣе 30 акров, 12 десятин, Сокальскій l. c. 126—7) и Германіп, гдѣ по видимому выть — *ware,* were = 32 моргена, полномочный=

vulwarig, Grimm Rechtsalt. 505, при чем то, что *ware* стала личною собственностью члена марки, есть черта относительно новая.

Мы, жители средней и южной Россіи, под селом разумѣем почти непрерывную улицу или нѣсколько улиц дворов с одною или нѣсколькими церквами; под вр. деревнею — такое же, но меньшее поселеніе без церкви. И в XVI в., как упомянуто, Волынское и Полѣсское село обыкновенно образовало улицу в одну и в двѣ полати дворов, и отличалось от нынѣшняго мр. села лишь возможною малочисленностью и возможным отсутствіем церкви. Такой вид поселенія относительно нов.

Тацит говорит о Германцах: „nullas Germanorum populis urbes habitari satis notum est, *ne pati* quidem *inter se junctas sedes.* Colunt (живут) discreti et diversi, ut fons, ut campus, ut nemus placuit. Vicos locant non in nostrum morem connexis et cohaerentibus aedificiis; suam quisque domum spatio circumdat (ставит на просторѣ), sive adversus casus ignis remedium, sive inscitia aedificandi“, Germ. XVI. Послѣднее есть конечно личная догадка. То, что Россія выгарает чуть ли не в 30 лѣт, неможет, как мы видим, заставить селиться разсѣянно. Наоборот, невидно, как неумѣнье строиться может помѣшать селиться тѣсно. — И гораздо позднѣе по словам Гримма (Wb. dorf), „чтобы составить *dorf* ненужно было большого числа поселенцев. В Швеціи и отдѣльная изба называлась уже *torp*, и исчезновеніе множества деревень, бывших при Карлѣ В., объясняется тѣм, что это были лишь отдѣльныя дворы (gehöfte), какіе и теперь часто встрѣчаются в сѣв. Германіи, особенно в Вестфаліи... Там гдѣ образовывались бо́льшія поселенія, сл. *thorp* становилось архаизмом, как в Англіи, или исчезало из письменнаго языка, как в Даніи“.

Прокопій (VI в.) говорит о Славянах тоже, что Тацит о Германцах: Славяне живут „разсѣянно“, „в плохих

избах, на большом разстояніи одна от другой". Сюда примыкает свидѣтельство нашей лѣтописи, что нетолько „Радимичи и Вятичи и Сѣверъ живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь", почему „схожаху ся на игрища, па плясанье" не на улицу, как теперь (улицы небыло, п. ч. небыло села „in nostrum morem"), а „межю селы"; но и болѣе цивилизованные Поляне жили „по горамъ симъ" (вдоль Днѣпра, по правому берегу) [20] „*о собѣ* („discreti ac diversi") кождо со своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, володѣюще кождо родомъ своимъ".

Гдѣ мѣстныя условія были благопріятны сохраненію старины, там она уцѣлѣла до нашего времени. „Один приход на Андогѣ (приток Шексны), как он описан лѣт 15 назад, тянулся по этой рѣкѣ длинной и узкой полосой, версты на 2, на 3 в ширину и на 20 в длину. Из 26 составлявших его деревень 22 расположены были в линію по одной дорогѣ", Ключев. l. c. „В Новгородской губерніи иногда село состоит из многих раскинутых деревенек, приписанных к одному приходу. Церковь с усадьбами духовенства и причетников обычно состоит по себѣ и зовется *селом* же или *погостом*" [21]), Даль Сл. *село*. На другом

---

[20]) „Мѣстами, гдѣ прежде всего осаживалось населеніе (в сѣв. Руси), естественно были нагорные берега рѣк и сухія рамени по окраинам лѣсов. Так вытягивались жилыя полосы, обитаемые острова среди теперь исчезнувших лѣсов или заросших или зарастающих болот. Первое поселеніе, возникавшее на таком острову, забиралось по выше, очищая окрестность, выжигая лѣс; новыя займища, выставки, выселки, починки на лѣсѣ, заводимые новыми пришельцами со стороны или выходцами из стараго поселенія, сползали пониже, садясь по окрестным возвышеніям", Ключевскій, Бояр. дума др. Руси, Русс. Мысль 1880, XI, 139—40.

[21]) *Погостъ*. В Лавр. л. под 947: „Иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ *повосты* (вар. погосты; это сѣв. вр. *в* из *г*, вѣроятно через *гв*; ср. Колосов, Обз. звук. и форм. особенност. нар. Р. яз. 172) и дани и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знаменья (ср. выше Прим. 7. Путикъ) и мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего

концѣ Русской этнографической территоріи, в горах, „Гуцульскія села большею частью многолюдны, но дома их тянутся на большом пространствѣ по берегам горных рѣк и притоков.. стоят одиноко... На „полѣ“ как выражается Гуцул о равнинѣ, — группы хат в 200, под час в 300, а не то и по 1000 дворов; здѣсь же (в горах) помѣститься было нѣгдѣ: здѣсь человѣк рубил себѣ хату там, гдѣ мог завести огородец и отыскать какую нибудь ложбину для поля. Хата направо, хата налѣво, хата впереди, хата позади: ничего общаго, ничего связаннаго нѣт; каждый живет сам по себѣ; до сосѣда не во всякую пору можно добраться“ (Головацкій, Пѣсни I, 692, из Кельсіева). Еще южнѣе: „По гористым мѣстам (сербскія) хаты (куће) так далеки одна от другой, что село из 40 хат — больше Вѣ-

---

дне, и по Днѣпру перевѣсища (Прим. 6) и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе“. Кромѣ саней, все это—перечисленіе доходных стяжей княжеских. Мѣсто это служит исходною точкою изслѣдованія Неволина в его соч. О пятинах и погостах Новг. в XVI в., Зап. Геогр. Общ. VIII, 1853. Принимая в соображеніе это изслѣдованіе, я бы расположил значенія сл. *погостъ* т. о. 1. Несправедливо, будьто это слово нигдѣ не сохранилось в знач. „мѣсто гощенія“ (остановки), l. c. 90; такое значеніе сохранилось в Оренб.: *п.*, постоялый двор на отшибѣ. 2. Станъ (ib. 82), как установленная властью станція для князей, княжих мужей и тиуновъ, наѣзжавших ради дани и суда. Такое установленіе было необходимо при разбросанности усадеб. Погосты могут находиться в связи с *полюдьем*, ib. 81. 3. Совокупность деревень, по дани и суду тянущих к погосту 2. Для смерда погост был тѣм же в этом отношеніи, чѣм для купца *сто*: „кто купецъ тотъ (пойдеть) въ (свое) сто, а кто смердъ, а тотъ потягнеть въ свой погостъ (v. потугъ)“, Новг. Грамоты XIII—XV вѣка, l. c. 92—3, 102. 4. Стан как главное поселеніе округа. 5. Изв. подать. В этом смыслѣ м. б. в вышеприведенном мѣстѣ Лавр. л. под 947.; „погоста имъ (тонникамъ г. Русы) неплатити, ни въ черной боръ имъ нетянути“ Гр. В. Кн. Ив. Вас. и Вас. Ив., Невол, ib. 84. Этому в Литовской Руси б. м. соотвѣтствует *стація*: „а повинности тыхже подданых (села N)... коли приеде до нихъ князь або врядникъ або слуга кнежий и врядничий, повинъни они вси

ны. В одном „потокѣ“ (узкой долинѣ между горами) стоит нѣсколько хат, потом через пол часа или цѣлый час пути в другом — нѣсколько, и все это называется одним селом до тѣх мѣст, до коих идет земля этого села (јено село, доклегод његова земља *држи*“). Т. о. люди из двух сел могут быть сосѣдями. А на равнинѣ, как на пр. в Мачвѣ (между Савою и Дриною), в Браничевѣ (на вост. от Моравы) по селам хаты стоят довольно часто, но не рядом, как в Срѣмѣ или здѣсь по Нѣмеччинѣ (около Вѣны), а разбросаны по полю. При князѣ Милошѣ в Сербіи брат его Ефрем принуждал Мачван строить хаты в ряд; тоже потом начиналось и в Шумадіи (между Колубарой и Моравой), но теперь об этом никто уже недумает“ (Кар. Р. под *село)*.

Т. о. нѣкоторыя черты глубокой древности сохранились вплоть до нашего времени.

живности давати самымъ и конемъ“, 1578, Опись имѣнія Черногородскаго (Луцк. у.), Пам. изд. Врем. ком. III, 2, 48; „stacią na przyiazd Jego X. msci z włok 10 iałowicę 1, barana 1, z każdej włoki gęś i kurow dwoie, iaiec 20, woz siana dać będą powinni, ib. 99, 123; „Цыншу з волоки кгрунту (столько то), овъса... сена.. за стацею грошей полъ третя, а коли стацею кажемъ брати (т. е. натурою), ино одинъ разъ въ годъ за тые пенязи маютъ давати с трыдъцати волокъ яловицу одъну, бараны два, а с кождоє волоки по курати и по десяти яецъ, а пенезей вже того году за стацыю недавати“, Устава на волоки, 1557, Пам. Врем. Ком. II, 2, 42—3, 46.

Что погост б. мѣстом языческаго богослуженія, на это нѣт никаких указаній; но легко предположить, что когда христіянство стало вѣрою властей, то и церкви, ютясь под их защиту, стали ставиться преимущественно при погостах. Отсюда 6. *П.* церковь с усадьбами духовенства; 7. церковный двор с перковью; 8. кладбище при церкви; 9. вообще кладбище; 10. приход, нѣсколько деревень тянущих к церкви на погостѣ. Значенія 5 и 10 перешли и в лит. *pagasts*, курл. извѣстныя повинности мужиков помѣщику, Лифл. церковный приход. Т. о. связи с πάγος, pagus, кромѣ нѣкотораго сходства значенія, нѣт.

До недавняго времени серб. *кућа*, особенно в Герцеговинѣ, нерѣдко состояло, а м. б. и теперь состоит из семейств нѣскольких братьев с выборным старшиною (кутни старјешина). Само собою, что отец, дѣд, как старшіе в родѣ, предшествуют такому выборному в отца мѣсто. Древнее значеніе слова *староста* видно из чеш. *starosty*, родители, отец и мать, ст. поль. *-a*, предок: „aby polozil mię w grobie *starost* (отцов), Genes. 47, 30. Bibl. Zof. 41. Неимѣя ни намѣренія, ни возможности вдаваться в изслѣдованіе труднаго вопроса, как сложна была семья в разныя времена и в разных мѣстах, замѣчу только, что и на Руси повсемѣстно было время, когда большая семья была явленіем обычным и желанным. При большой разбросанности дворов, затруднявшей сосѣдскую помочь, при трудности господствовавшаго во многих мѣстностях подсѣчнаго хозяйства (Соколовскій, Оч. ист. сель. общ. на сѣв. Росс. 22) только больша́я семья, выставлявшая нѣсколько человѣк работников, обезпечивала существованіе. В XVI в. семьи, состоящія на пр. из отца с 2, 3, 4 взрослыми, б. м. и женатыми сыновьями, отца с сынами и зятем, братьев со своими сыновьями, нерѣдко встрѣчаются в Волынских описях, а сѣверная Русь в этом отношеніи, по видимому, и до нынѣ болѣе архаична. При извѣстном душевном строѣ, больша́я семья в уединенном дворѣ болѣе малой способна удовлетворить и душевным потребностям.

Но с увеличеніем населенія возникает с одной стороны стремленіе к селам „in nostrum morem, connexis et cohaerentibus aedificiis", с другой — к дробленію семей, в Малороссіи составляющему правило. Нѣкоторыя побужденія того и другаго выразились довольно ясно в мр. нравах и пѣснях.

Малорусскому простолюдину столь же ясна хозяйственная польза больших, нераздѣленных семей, как и образованным людям, писавшим об этом (В. В. Тарновскаго „О дѣлимости семей в Малороссіи"); но неменѣе ясна ему

несовмѣстимость таких семей с душевным миром. Кажется типичным то, что на пр. один козак из с. Комышей (верстах в 30 от Ахтырки), человѣк бывалый, знавшій и в чужѣ одобрявшій великорусскія большія семьи, говорил, как о чем то неизбѣжном, о том, как он его 3 брата, раздѣлившись по смерти отца, обѣднѣли от раздробленія хозяйства. Сербская пѣсня в подобном случаѣ винит жену, требовавшую раздѣла [22]); малорусская замѣчает другую сторону дѣла и оправдывает благородную гордость жены:

Закувала зазулечка в пана на орісі:
„Шануй же мя, мій миленький, як ластівку в стрісі;
„Бо як немеш шановати, немеш мя и мати;
Бо я тобі не наймичка все поле зробляти;
Бо я тобі не наймичка, я тобі кгаздиня:
Куди підеш, звідки придеш, твій дім не пустиня.

(Гол. П. IV, 537—8; о значеніи 1-го стиха и связи его с послѣдующими — в моем Разборѣ Н. п. гал. и уг. Р. собр. Я. Ѳ. Головацким, 62). Такая женщина не может ограничиться одними жалобами на свекра и свекровь, деверей и невѣсток. Муж не может ей отказать в уваженіи и склоняется к ея взгляду: хата родителей ему болѣе не своя, а „свое“ привлекательно, понятое именно в узко семейном смыслѣ, в каком понимаются и пословицы: „немає лучче, як своя халупа; ляж та й ... сміло..“; „бодай и пес свою хату мав“; „бодай умирати та в свій горщок зазирати“. Такой взгляд и вызванное им

---

[22])
Док ми, брате, скупа пребивасмо
И мајка нам двори управљаше
Тад се наши двори бијељеше..
А како се, брате, растадосмо
И љубе нам двори управљају,
Тако наши двори потавњеше
И гости нас, брате, оставише,..
... Та с кога је? да од Бога нађе..
Кар. Пјес. II, 634; ср. ib. 630, 16—9.

раздробленіе семей в вр., по видимому, повѣе и менѣе общенародны. В слѣдующей мр. пѣснѣ дѣвица говорит не бездомному, а лишь неимѣющему хаты, своей в тѣсном смыслѣ слова:

„Ой гільтяю, гільтаю! та яж тебе спитаю:
„На що мене сватаєш, коли хаты немаєш?"
— Ходім, серце, в чужую, поки свою збудую:
Зроблю тобі хаточку з рожевого цвіточку!
„Збудуй хату з лободи, та в чужую неведи!
„Чужа хата такая; як свекруха лихая;
Хоч я буду сама жить, аби людям негодить!"

Тяжела бѣдность и жизнь без общества, когда

Нікуди піти поговорити,
Туги—печалі та розділити,

но это для женщины меньшее зло, сравнительно с тѣм, что ждет ее в большой семьѣ:

Що брат из сестрою по садочку ходить,
По садочку ходить, стихенька говорить:
„Сéстро ж моя, сéстро, час тя замуж дати!"
— Оддай мене брате в новую (чужую) деревню,
В новую (чужую) деревню, у велику семью:
(У новій деревні люблю прохожати,
У великій семьї люблю розмовляти)
Де багато діла, щоб я поробила,
Свекру и свекрусі ділом угодила
И до тебе, брате, у гости ходила.—
Жде брат неділеньку, жде брат и другую,
На третюю сам брат до сестриці їде.
„Сéстро ж моя, сéстро, чи дужа—здорова?
— Непитайся брате, чи дужа—здорова,
Запитайся брате, яка моя доля?
Шовковая хустка в руках моїх стліла,
Нагайка дротянка кровъю обкипіла.
Ой поїдьмо, брате, свічок куповати,
Щоб перва горіла, як я заболіла,
А друга палала, як я умирала.—

„Отсе ж тобі, се́стро, новая деревня,
„Нова́я деревня, великая се́мъя:
„И багато діла, та й непоробила,
„Све́крові, свекрусі ділом невгодила!" [23]).

Соответствующая вр. пѣсня того же размѣра говорит еще по старинному не о великой, а лишь о „несовѣтной", несогласной семьѣ (о сл. *совѣтъ*—в моем соч. Сл. о П. Иг. 49—50):

Как брат сестру нѣжит, по головкѣ гладит:
„Сестрица родная, рости поскорѣе!
„Выростеш велика, отдам тебя замуж
„В другую деревню, в несовѣтну семью,
„Гдѣ бьются, дерутся, за волосы берутся.
„Куда я поѣду, к сестрицѣ заѣду:
„Здорова, сестрица, здорова, родная!
—Родимый мой братец, небольно здорова:
Дубовыя двери всю ночь проскрипѣли,
Шелковая плетка всю ночь просвистала:
. . . .
Как с вечеру тѣло, как снѣг, было бѣло,
А к утру то тѣло, как котел, посинѣло [24]).
(Варенцов, Сб. пѣс. Самарск. края 92).

Кажется, слѣдует, согласно с вар. у Савельева Сб. Донск. н. п. 161, N 27, предпочесть тоже чтеніе: брат обѣщает:

„Отдам тебя замуж в совѣтную семью",

но отдает в несовѣтную.

---

[23]) Сводный варіянт по Метл. 281—2, Конотоп, Бердичев. В послѣднем выставлен и другой мотив: неравенство состояній („Оддай мене брате не за селянина... та за міщанина"), тоже весьма популярный: ср. Метл. 264—5 („Ой ти багачу") и повѣсть Квитки „Вот любовь" в Соврем. 1839, т. XVI (она же в драматич. формѣ, „Щира любов", Драм. соч. Гр. Квітки, I), гдѣ многое имѣет силу этнографическаго документа.

[24]) *Синь* не в смыслѣ coeruleus, hyacintinus, а *niger*, откуда стар. *синьць* негр и чорт, как чорный. См. Mikl. Lex.

Тот же страх великой семьи изображает слѣдующая превосходная свадебная п.:

Ти клёнова лісцінка!
Куди цебе ветрик несе?
Ці з гори да в доліну
Ці знову на клёніну?

Ти ж молодзенька Ганночка!
Куди цебе матка дае?
Ці в Туркі. ці в Татари,
Ці в Татарскую землю?
Ці в *велікую* семью?
Там земля коренiстая,
Там семья наровістая:
Там треба да наровіті
Свекрашку як бацюхну
Свекровци як маценци,
Дзеверашку як брацейку,
А зовіци як сестрици.

(Zieńkiewicz, Piosenki gm. ludu Pińskiego, 300—2. Ср. Метл. 222=Чуб. IV, 410), гдѣ ст. 10—11 соотвѣтствуют:

Чужа земля під коріннячком,
Чужа семъя під нарівъячком.

Ср. бузина коренистая = дівчина наровистая, Чуб. V, 9, 176. Это сравненіе коренистой земли и великой, норовистой земли намекает, кажется, именно на тяжесть жизни в *новой* нераспаханной *деревнѣ* в ст. великорусс. смыслѣ и заставляет думать, что это же знач. деревни было и в мр.

Только село в новом см. слова (а при болѣе сложных формах жизни — только город) удовлетворяет и любви к личной независимости и потребности в обществѣ. Женщинѣ можно, по крайней мѣрѣ „пійти до сусіди огню“ и под этим предлогом, обычным не только у Малороссіян, но между прочим у Кабардинцев (Сб. свѣд. о кавказск. горцах,

VI, 2, 37.) отвести душу. Недаромъ *село*, конечно в новом смыслѣ, сопоставляется с *весе́ло* [25]).

---

[25])

„Будь село весе́ло!
Подарунки несемо
Від пана молодого
До пані молодої
(Свад. п. зап. ч. Подоль. г.).

И тут село, и там село,
(а между тѣм)
Чомусь мені невесело.
Тілько мені веселенько,
Де моє серденько.

Так и в сербском:

Виче вила с високих планинах;
Што се оно село невесели?

(Оно должно бы веселиться именно потому, что оно село).

Како ће се село веселити,
Кад умире млади Радојица?
(Kolo 1853, кн. IX; Кар. Пјес. I, 571).

Оно је вино црвено,
Попијмо га весело,
Нек не чује све село,
Да смо здраво и весело.
(Кар., П. I, 83).

Бог му дао у рају насеље,
Нама, браћо, здравље и весеље.
(ib. III, 225).

14 Янв. 1881 г.

А. Потебня.

2.

В отвѣтъ г. Шейковскому (см. Р. Ф. В. IV, 255).

— *Потебня́. Тебене́к*, мн. *тебенькú* кожаныя лопасти по бокам козачьяго сѣдла, подвѣшенныя на пряжках, нерѣдко тиснёныя (Даль, без указанія мѣстности, но, вѣроятно вездѣ, гдѣ употребительно козачье сѣдло). На Дону фамилія *Тебеньковых*. Слово татарскаго происхожденія. Из южной Руси перешло в Польшу, не позже XVII в. См. Linde *tebienki, tabinki, tebinki, tybinki* а) в том же знач. как *тебеньки* у Д. Сюда могу прибавить ссылку на Pamiętniki Paska (XVII в.), гдѣ, сколько помню, есть выраженіе: кони брели в водѣ „po same tebinki"; б) в выраженіях: „weźmiesz po tebinkach", „nieźle mi dał po tebinkach", предполагающих дурно понятое 2-е зн. слѣдующаго слова Серб. (тур.) *табан*, а) пята, б) удар по пятам, в—г) часть плуга и часть ружейнаго замка, д) *дно* борозды, с чѣм ср. серб. (тур.) *таван*, пол, потолок, слой. Русс. (тат.) *тебен-евать*, о скотѣ, ходить зиму на *подножном* корму, *тебеневка* зимнее пастьбище. *По-тебня́*, мн. *поте́бни*, тоже что *тебеньки, tabinki*. Кромѣ Ном. 279 („Як сів на коня та вдарив в потебеньку та й поїхав помаленьку" — о небрежном ударѣ плетью, прямо вниз, не по заду лошади), у Котл: в числѣ подарков—„Сап'янці из Торжка новенькі, Малёвані потебеньки". У А. Бестужева (Марлинскаго) в одной из Кавказских повѣстей „сѣдло с розшитыми (или с размалеванными) потебнями" (ссылка неточная, по памяти). Т. о. корень эт. слова татарскій, предлог и граммат. форма—русскіе.

В грамотѣ Александра Господаря Молдавскаго Подольским купцам, 1407 г. „а коли имуть купити (=куповати, покупать) татарьскый товаръ у Сочавѣ, или шолкъ, или перець, или камкы, или *тебенкы*, или темьянъ или Грецкый квасъ . . . (Ак. отн. до Ист. З. Р. I, N 21). Здѣсь можно думать и о п. *tabin*, ч. *tabin, tobin*, тоже в нѣм.,

пт. *tabi*, фр. *tabis*, н. греч. *ταμπίον*, род восточной (шолковой?) ткани.

—„По-за *ха́хольками* тиняєцця", Ном. 214, объясняется выраженіем поставленным ib. перед этим: по за́тинках (а не за́ті́нках) ховаєцця. Я встрѣтил еще в стихотв. Бублія: „знував по-захахульками, за ворітьми", „де то, суко, по-за хахульками сновикгаєш?"

Свахи молодого, когда поѣзжан еще невпустили в хату, поют:

Чого, свахо, чого гаєшся?
Чи в чобати обуваєшся?
Чи сорочку латаєш?
Чому зятя непривітаєш?
Да ми в чоботи обуємо,
Таки сваху прихахулимо.

Борз. у. ркп. сб. г. Ромашкевича.

Есть фам. *Хоху́ля.* В приведенном м. б. члены двух различных семейств слов с *прихахулити* ср. сѣв. вр. *хухольник* ряженый на святках, которое относится к *куко́ль*, колпак, лат. cucullus (см. Matzen. kukla).

— *Курбет*, Ном. 242. П. С. Ефименко, коим записана эта пословица, думает, что это слово ногайское и зн. бѣдняк. Это близко к истинѣ. По сообщенію М. С. Дринова, в болгарском это слово заимствовано из турец. *курбетлук*, странствованіе, пребываніе на чужбинѣ, *курбетчи*, странник.

— *Ленок*, linaria vulgaris.

— *Розмай-зілля* м. б. гдѣ либо приурочено к туземному растенію, но по происхожденіи есть зап. слав. (хорв. и др.) *rozmária*, т. е. розмарин. Отсюда же польск. ziele rozmara, Wojć. Pieśni Ludu, II, 102.

3.

По поводу слов: *маточник, остров буян, ирей.*

В глубинѣ литовских пущ
Ciągnie się bardzo piękna, żyzna okolica,
Główna królewstwa zwierząt i roślin stolica.
W niéj są złożone wszystkich drzew i ziół nasiona,
Z których się rozrastają na świat ich plemiona;
W niej, jak w arce Noego, z wszelkich zwierząt rodu
Jedna przynajmniej para chowa się dla płodu.
. . . Te pary zwierząt główne i patryarchalne
. . . Dzieci swe ślą dla osad za granicę lasu . . .
. . . Te puszcz stołeczne, ludziom nieznane tajniki
W języku swojém strzelcy zowią *mateczniki*,
Mick., Pan Tadeusz, IV.

Matecznik в этом значеніи ненаходится ни у Линде, ни, в русской формѣ, у Даля и Носовича. Вѣроятно оно, кромѣ *е* во 2-м слогѣ, бѣлорусское или малорусское. Во всяком случаѣ в нем несомнѣнный слѣд преданія, а не личной выдумки. Тут припоминается из Голубиной книги (Безс. Кал. I, 2, 369 - 72 et pass.) „Страфиль птица, всѣм птицам мати, что живет та птица на синем морѣ... на бѣлом каменѣ... Она плод плодит на синем морѣ"; „Звѣрь всѣм звѣрьям мати... живет звѣрь за Океаном моремъ... никто его в глазы невидаючи"; далѣе — остров *буян* на морѣ — океанѣ, въ восточной (или „выточной") сторонѣ, гдѣ родина всѣх металлов (Сах. Ск. Р. н. I, 2, 22—3), гдѣ пчелиная матка всѣм маткам старшая (ib. 21), змѣя всѣм змѣям старшая и большая (ib., змѣя—царица, Майков Вр. Закл. N 179) ворон всѣм воронам старшій брат (26), птица всѣм птицам старшая (ib. 31), волк у котораго на зубах весь скот рогатый (ib 28; Аѳ. П. П. I, 131 слѣд.); „Сіянскую гору", „гдѣ живут звѣри (Майк. Вр. Заклин. N 218). М. б. также и кладьбище звѣрей

(Майк. ib. N 223). Сюда же ст.-русс. **ирьй*, род. *ирья*, мр. *вирій*, род. *вйръя*, теплая страна, куда на зиму улетают перелетныя птицы и уползают змѣи *по деревьям* (вверх) и откуда птицы возвращаются весною, принося с собою тепло (Аѳ. П. В. II, 137, 405), куда, по Далю (Слов.), спасается временем звѣрь косяками [1]).

Возможно, что „маточник", окруженный, по Мицкевичу, непроходимыми болотами, перенесен из недовѣдомой воздушной дали или с моря океана в глубину лѣсов, между прочим п. ч. *остров* значит также сухое возвышенное мѣсто среди болот и лѣс особняк. Впрочем такое перенесеніе могло состояться и без вліянія языка, в силу соображенія, что птицы могут улетать если не на небо, то в очень дальнія страны, а гадам и звѣрям это трудно: „вирій гадючий особ от птичого: птичий десь на теплих водах, за пущами і за багатирями (?), а гадючий в Руський землі" (Мр. н. пред. М. Драгоманова, 11). Подобно этому по Швейцарскому повѣрью, на высоких, недоступных скалах и снѣжных хребтах Маттенберга есть мѣстность, гдѣ, как в раю, живут прекраснѣйшія козули и козероги, и многія другія странныя и рѣдкія животныя. Лишь одному из 20 охотни-

---

[1]) К появленію звѣрей оттуда можно отнести повѣрье сообщенное нѣкоим Русином, вѣроятно из дружины Мстислава Володимерича, со слов Ладожан: „Суть и еще мужи старии, ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ: спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица (ед. в собират. зн.) млада, акы то-перво рожена, и възрастъши и расходится по земли; и пакы бываеть другая туча, и спадають оленци мали въ нѣй, и възрастають и расходятся по земли". Ип. л. под 1114. Из того что такое чудо отнесено в отдаленный сѣвер, неслѣдует что повѣрье непремѣнно финское Относит. *туча=тжча*, дождь см. Mikl. Lex. и слѣд.: „была туча велми страшна дождева съ громомъ и молоньею", Новг. II, 158; „пала туча велика снѣжная, ib. 157; пала туча велика снѣгу, ib. 159; неясно значеніе в „бысть буря веліа вѣтряная, и туча, и дождь умноженъ, Нов. I, 108—31. В мр. (галиц.) до сих пор: „засунулося небо тяжкими хмарами, настала туча, а вода з неба як з коновки льялася... туча як льяла, так ліє" (Зоря галиц. на 1860 г. 548 Корень *так* (теку), откуда через *так-на—танк*.

ков, раз в 20 лѣт удается попасть в эту чудную страну (Das paradies der Thiere. Gr. D. Sagen², N 301).

Что до названія „остров буян“, то мнѣнію Аѳанасьева (l. c. 131—2; ib. I, 439, 667), который, основываясь на предполагаемом равенствѣ значенія в *ярѣ турѣ* и *буй турѣ,* усматривает в *буй* „понятіе весенняго плодородія“, а в *буян*—весенняго неба, я противопоставил свое (Слово о П. Иг. 111—3), по которому *буйнъ* об островѣ и т. п.—высокій, о человѣкѣ — „що ви́соко несеться“, гордый, буйный. Это вполнѣ согласуется с обычным, немиѳологическим значеніем вр. *буян,* вокруг открытое, возвышенное мѣсто, откуда — торговая площадь, сѣв.-вр. *буево, буйвище* возвышенное, открытое кругом мѣсто, пустырь на возвышеніи, погост (кладьбище и пр.), выгон, площадь; и с приводимым у Аѳ. l. с. названіем миѳич. острова буяна—*буевой остров,* и съ замѣною острова горою: „На горѣ на *горюнѣ* (по Аѳ. от *горѣть,* но скорѣе независимо от этимологическаго сродства, как в примѣтах и пѣснях *гора* сближается с *горе*), *на горѣ на буянѣ*... (Безс. Кал. VI, 204). Так как „на морѣ па океанѣ на островѣ буянѣ живут три брата, три вѣтра“ [Майк. Вр. Закл. N 4; ср. ib. N 1—2=усыня, бородыня да Никита (богатыри—вѣтры); ib. 3: семь братьев семь вѣтров буйных]; так как на этом островѣ „столб от земли до неба (ib. pass.) или „соборная церковь, желѣзным тыном загорожена, от земли до неба, покрыта мѣдною крышею“ (ib. N 220); то этот „*высокій*“ остр. буян (ib. N 142) напоминает остров владыки вѣтров Эола:

„Остров пловучій его неприступною мѣдной стѣною
Весь обнесен, берега ж подымаются гладким утесом, Одисс. X.

Б. м. блѣдное отраженіе того же сказанія можно видѣть в островѣ *утсthала* (высокій : *уд-* вверх, *сthала* (нѣм. stelle) мѣсто, возвышенность, материк), гдѣ царствует правдолюбивой царь рыбаков *Сатјаврата* (katha sarit sagra v. H. Brockhaus, кн. 25, 140 нѣмец. перев. В той же сказкѣ герой, подобно Одиссею (Од. XII, 430 сл.), спасается от потопленія, повисши на вѣтвях смоковницы). Никакого соотвѣтствія между *буян* в смыслѣ высокаго мѣста и

яр, обрывь (Аѳ. I. с. 132), ибо послѣднее естественно возникло из юж.-русс. *яр*, означающаго столь характерное для наших мѣстностей явленіе: овраг, иногда поросшій лѣсом, возникающій иногда за нашей памяти на покатой плоскости из водомоин, от весенних потоков. Это значеніе предполагает уже потерянное в вост.-мр., но сохраненное в словац. *jar* поток, поль. у Подгалян,

Szeroki jareczek (весенній ручей), niemożna przetynąć;
Przyjdzie mi, chłopczyno dla ciebie zaginąć. (Zejszner, 75).

Это *яръ* м. б. сродно со сходным по значенію скр. *ир-ина*, поток. *Буянъ* непредполагаетъ ничего подобнаго. К сказанному у меня в Сл. о П. Иг. 111—3 относительно *буй* и пр. прибавлю еще слѣдующее. *Буй* в знач. *глуп* удобно выводиться из значеній величанья, гнѣва, бѣшенства, съумасшествія (см. Mikl. Lex. s. v. и боуяти). В н.-болг. буйна гора (Dozon Бълг. н. п. 34) — высокій, стоячій лѣс; буйна вода, ib. 30 — быстрая? глубокая = высокая? (хорут. *bujica* torrens, Mikl. Lex боуй); лют буен оген (Doz. ib. 95, 115) — сильный; *буйно*, ib. 62 — сильно. Если остров *буян* без затрудненья возводится к представленію *высоты*, то, по крайней мѣрѣ, для начала изслѣдованія, позволительно спросить, недопустит ли такого объясненія и *ирья* (род. ед. в поученіи Мономаха: „и сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ *ирья* идуть и первѣе (въ) наши руцѣ, и неставятся на одиной земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, Божиимь повелѣньемь, да наполнятся лѣси и поля“, Лавр[2]. 236), мр. *в-ирей*, *в-ирій*, род. *вирья*.

Как Фик в Z. f. V. Spr. XIX, 251; Wb[3]. I 757, пытается объяснить ἠλύσιον, как мѣсто куда *восходят* души, из *ἠλυθ-τιο, гдѣ в основаніи—ἐ-λυθ с приставным ἐ как в ἐλαχύ=скр *лаглу* и корнем λυθ = скр. *рух*, зенд. *рудh* восходить, при чем аор. ἤλυθε=скр. *а-рух-ат*, буд. ἐλεύσεται (из *ἐλευθσεται)=скр. *рôкшјатê* (из рôhсјатé); так и в *ир-ьй* или *ир-ий* можно бы видѣть кор. *ар-* (скр. *р̣ноти*, лат. *or-ior*, греч. ὄρ-νυμι, подниматься вверх), *ӣр* (скр. *ӣр-тê*, *ӣратê*, поднимается, возникает). Впрочем, при такого рода основном

ар- можно бы ожидать славянскаго *ор-* и *ри-*, если находятся в связи *орити* (раз-орити, серб. об-орити) рушить, валить и *ри-нжти* толкать, мр. *ринути*, о водѣ, течь; ср. лит. *ar*=союз, *ли*, а также -

ри в слѣдующем: „язъ взялъ на нем пожилого за дворъ полполтины денегъ... и тотъ, господине, Михалко, *рiясь* тому (=гнѣваясь на то), да ту деревню сжогъ", 1503 г. Ак. Юр. 19; „Лѣвашъ Колобовъ (будучи третейским судьею между Овцынѣм и Кобылинѣм, норовит послѣднему) „*рiясь* тому, что въ Казанское взятье полемъ идучи отрѣзалъ у того Овцына вьюкъ съ платьемъ и съ денгами, и Иванъ Овцынъ намъ (царю) о томъ билъ челомъ, и мы, сыскавъ того дѣла, велѣли про то Лѣваша на конюшнѣ бити", 1555—6, Доп. къ Ак. Ист. I, 75. В нынѣшнем вр.—*рьян* (образованное, как *пьян*), ярый, ретивый, усердный; в 1-м значенiи

„Нарву хмелю рьянава,

Напаю мужа пьянава", Н. п. (Тим. у. Кур. губ.) с чѣм ср. скр. *ир-* (из ар-) в *ир-jати*,=*ира-сjа-ти*, гнѣваться, злиться на кого (с датель.), *и́р-ин*, сильный, *ир-jа*, подвижный, сильный, энергичный, греч. ἔρις, -ιδος, винит. ἔρι-ν, ссора, распря, спор, состязанiе *(реть)*, лат. *îra*, *iras-cor*. Сюда же и *яръ* гнѣвен (Fick), (ярый хмель, но *ярая* пчела—весенняя, см. Mikl. Lex. яръ 2.), предполагающее **аир-*, *êр-*, как овца *ярка*=лит. érіs, лот. jērs agnus.

Аѳанасьев (П. В. II, 139) для объясненiя сл. *ирий* приводит все то, что стоит у Даля под *вырей*, прибавив от себя лат. *viretum*; но слова эти — неменѣе, чѣм трех разных происхожденiй. Сомнительное по значенiю кур. *вы́рей*, жаворонок (Аѳ. прибавляет: „как предвѣстник весны"), по указанiю мѣстности, гдѣ встрѣчено, может быть, только мрусским *вирiй*=ст.-русс. *ирьй*. Вят. Волог. слова *вырéц*, *вы́рчик* цвѣтник, капустный разсадник на столбах, в коих, сколько извѣстно о тѣх говорах, *выр-* немогло правильно возникнуть из русс. *ир-*, можно бы считать заимствованным из лат. (*viretum*=*вырец*, как поль. *wyka*, род полевого гороху, нѣм. *wicke*, лат. *vicia*, как русс. *вымпел*—

wimpel). Наконец пск.-тв. *вы́рить*, пашептывать, наговаривать, знахарить, мудрить—хитрыть, и *вы́рей* (б. м. *вырѣ́й?)* колдун, знахарь (связь коих с *ирей* Аѳ. думалъ объяснить тѣм, что на островѣ *Эп*, гдѣ чертог зари и откуда восходит Геліос, живет хитрая волшебница Кирке, П. В. II, 136, 139), предполагают **вар*, говорить, что в лит. *war-d-as*, гот. *waur-da*, ср. р., нѣм. *wort*, лат. *verbum* (основная ф. *вар-dha-*) слово, в вр. *вр-а-ть*, (**вър-а-ти*, судя по *и* в *завираться;* наст. *вру*, *врет*ь; ср. новг. *запрать, запрал*, запереть) [1]), лгать словами, говорить вздор, хвастать, при коем *вр-а-чь*, предсказатель, чародѣй (серб., болг.), лѣкарь, (ц.-сл., русс., хорут.), соб. лѣчащій заговорами (ср. *баяти* и *балий* incantator, Бусл. Оч. I, 5, Mikl. Lex. s. v. и *вълхвъ*, если при немъ *вълснжти* balbtire); в греч. εἴρηκα (=*ἐ-Fρηκα), ῥή-τωρ (=Fρητωρ) и пр. — Приводимое Далем *вырожить*, вылѣчить знахорством, неясно.

Хотя т. о. сближеніе *ирей* с *вырить* есть несомнѣнная ошибка, то оно наводит на слѣдующія соображенія:

Сочетаніе *ва* дает **ў*, откуда—*вы* [2]), не только в на-

---

[1]) Ср. также от другого *вар-* в зн. покрывать, замыкать и пр. (*врѣти, вереть*, лит. *verti*)—стар. вр. *врать*: „*ворворки враны* серебромъ, петли серебрены, *обвираны* золотомъ", XVII в. Забѣлинъ, Дом. б. русс. цариц 578. *Ворворка*: в косу вплетался косник, состоявшій из кисти шолковой, золотой или жемчужной с золотою или жемчужною ворворкою, т. е. верхнею связкою в кисти, ib. См. Даль, ворворка.

[2]) Соотвѣтствіе между *ў* и слав. *вы* (лит. *udrà*=выдра) Миклошичь, V. Gr². I, 152, представляет таким образом, что на пр. *вымѧ*—из *ъı(д)мѧ*, *ѵ(д)мѧ*, т. е. принимает, что недопускающее исключенія правило, что *ъı, ъ, ь* невстрѣчаются в началѣ слова, нѣкогда несуществовало. Это предположеніе ненужно; *в* в *вы-* могло появиться одновременно с превращеніем *у* в *ъı*, т. ч. послѣднее в началѣ слова никогда небывало непокрыто. Подобным образом, думаю, начальное *в* в вост. мр. *вісь*, родит. *оси*, могло появиться только разом с превращеніем основнаго *о* в среднем слогѣ в дифтонг, который, каков бы ни был, т. е. *уо* или другой, непремѣнно начинался с *у*. М. б. это послѣднее выраженіе и не совсѣм точно, но я хочу сказать, что в вост. мр. сочетанія форм *в-ось*, род. *оси* никогда небыло.

Сближеніе *вы(д)мѧ* (*удh-ман) с скр. *ӯдh-ан*, *ӯдh-ар*, греч.

чалѣ, но и внутри (между прочим в случаях формулы *ка, ква, ку, кы,* К Ист. зв. III, 25 сл. Р. Ф. В. 1880, III, 161 сл.). Если путь таков, что из *ва* — дифтонг *уа́* потом *у́а,* откуда *у* (как в мр., можно думать, *вул* из *ву́ол,* а это из *вуо́л*); то можно ожидать, что *ја* (будет ли в нем ј коренное или приставное) в подобных случаях дает сочетанія *іа́,* откуда *і́а* и (быть может через *і́є=і́је*) *і.* Так принимают, что *люб-иши* — из *-иє-ши* (Mikl.¹, а мр. *біл* ближайшим образом из *бі́єл,* ч. *vůl,* п. *wół* из *wuoł.* Т. о. получилась бы возможность объясненія начальнаго славян. *и* нетолько в тѣх случаях, гдѣ ему соотвѣтствует основное *ai,* прусс. *ai,* лит. *ei, ė* (*игла,* если = прусс. ayculo, а не скр. *агра-м,* верхушка, конец, острiе Mikl. Lex.; *инъ, искати, ити, ива,* Mikl. Gr². I, 125—6; можно прибавить сближеніе г. Микуцкаго: *иније, иней,* зап.-русс. *инь,* лит. *īnis* (по Микл. заимств. из слав.) и скр. прилаг. *ê-та,* в жен. р. *ê-тâ* и *ê-нû,* пестрый (о животных), блестящій, сверкающій, о небѣ, водѣ); но и в других случаях, гдѣ такого соотвѣтствія нѣт и в основаніи лежит *ја* или *а.* Мнѣ и теперь кажется, что хотя в моей статьѣ „О купальских огнях", (Археол. Вѣст. М. Арх. Общ. 1867, III, 5 отд. отт.) и спорно что „основное *а, ја ослабляется* в *и*", но нѣкоторые случаи отнесены сюда вѣрно.

Надобно выдѣлить случаи относительно позднiе: заимствованное *известь* при ἄσβεστος, calx viva; поль. *île,* юлико; серб. *имела,* чеш. *jmelí,* между тѣм как русс. *омела,*

οὖθ-αρ, др. в.-н. *ût-ar* (нов. нѣм. *euter*), лат. *ūber,* вымя (отличное от *ūber,* изобильный, гдѣ *ū* из *oi, ai,* скр. *êдhатê* crescit, Zeit. f. V. Spr. X. 77), вездѣ с тѣм же знач., а в скр. и лоно, скрытое, лишь для друга доступное мѣсто, небесное вымя—облако; это сближеніе (Mikl. Lex. s. *рамѧнъ* etc.) вѣроятно предполагает сокращеніе начальнаго *у* в *ў*: лит. *udr-oju, -oti.* eutern, вымнуть, хорут. *vimljati,* не о коровах, а о свиньях, собаках, кошках, зайцах; сюда б. м. и лит. *pa-udr-ena liga,* болѣзнь возвращается (усиливается, получает полное вымя?). В подобном случаѣ в лотышском находим однако долготу: ц.-сл. *вꙑпль* м. larus, вр. *выпь* ж., бугай птица, ardea stellaris, лот. *ûpis, -ja,* м. (=выпль), филин, *upêt* кричать о совах, ворковать о диках, голубях (вопить?).

п. *jemioła*, при согласіи лот. *âmals* и лит. *ámalis*, *omalas* (при *emalas*, *emolis*) указывают на начальное *a*. Пусть литовско-лат. формы будут и заимствованы из русскаго, хотя доказать это трудно; пусть общеславянская форма начинается с **ѥ** (послѣднее думает проф. Ягичь против мнѣнія Миклошича и моего, Arch. V, 575 слѣд.): все же прежнее свое сближеніе с скр. *а-мала̂*, без пятен, т. е. чисто бѣлая (viscum album) я бы совсѣм оставил, лишь убѣдившись, что отрицательная частица в формѣ ли *о* или **ѥ** в слав. языках невозможна. Микл. Gr.[2] II, 108, дѣлит: **ѥм**-*ела*, как *бъчела* и относит **ѥм**, *јьм* (т. е. хватающая в см. липкая).

За тѣм останется нѣсколько слов с начальным *и* более древним:

— *Игра*. Такова ли общеславянская форма? Mikl. Lex. (1862—65 г.) s. v. говорит: „radix est *gr* sonare; cf. č. *hra*, p. *gra*, oserb. *hra*, nsl. *gurati se* pro *igrati se*, lit. *graju*; proprie *игра* est clamor“. Сближеніе с литов. для подтвержденія такого словопроизводства во всяком случаѣ слѣдует выпустить, т. к. у Нессельм. *graju*, *grajnu* отмѣчено как жмуд. заимствованіе из поль. *grać*, что будет вѣрно, если прибавить „или из бр.“ [1]). Того же мнѣнія М. в Gr. II, 11: „*игра* вѣроятно в связи с *гр* и первоначально значило „lautes rufen“. За приставочное (prothetisch) принимает он *и* в этом словѣ в Gr.[2] I (1879), 125; но далѣе в этом же соч. по видимому начинает склоняться к другому мнѣнію: „отношеніе поль. *grać*, *skra*, *wior* к *igrać*, *iskra*, мр. *иверь*, вр. *иверень*, *верень* темно“, стр. 536; в верх.-луж. *i* отпадает „в *dźi*, *m'enować*; ср. *hra* : *igra*, *škra* : *iskra*“, 560.

---

[1]) Несомнѣнно к *гар* звучать и пр. (скр. *гр-на̂-ти*, звать, призывать, восхвалять, лит. *girti*, *garsas*=*голосъ*) относятся слова без призвука *и*, между прочим, вр. *граять*, каркать, шумно насмѣхаться, и, с сохраненіем образа каркающей стаи воронья— бранить, порицать (ср. лаять, щекать: „собаки облаяли, вороны ограяли, люди узнали“), серб. *гра̏јати гра̏ја* (о воронах, русс. *вороноград* (дѣйствіе), *гра-чь*, мр. *грайворон*, corvus frugilegus, лит. *gro-ti*, *-oju*, каркать, бранить, порицать, лат. *gra-c-ulus*, нѣм. *krähe*. В серб. и *гра́ја*, говор, *гра́јати*, говорити.

По мнѣ, здѣсь неможет быть никакого сомнѣнія. В мр. начальное *і* (осн. *и*) неударяемое превращается в *й*, а ударямое остается: *грати, грище, грець, голка, глиця, мати — маю*, а на западѣ и в *му, меш* стоящих не только послѣ неопр. *(матимеш)*, но и перед ним, и в *го* (=йго, юго), *му* (йму, юму); но *íграшка, íва, íнший* (или с придыханіями). И неударяемое *и* сохраняется, защищенное согласною предлога: *рóзигри*, первый понедѣльник Петровки, когда в старину хоронили соломяную куклу, т. н. Кострубонька (Максимов, Собр. соч. II, 521). Можно ли возвести подобное явленіе в польском ко вліянію потеряннаго ударенія и его отсутствія, пусть остается вопросом; но в Bibl. Zof. *igrać, igrzywy* (или jigrać); там же хотя встрѣчается *mieć* (myecz 36), *nyemyal*, но есть *gimialy, gymiali* 34a (=jimiały, нов. miały), *gymienie* (=ji...) 41. В нынѣшнем польском только *mieć, miał, mam*; *grać* и *igrać* с нѣсколько различными значеніями, *gra* и нѣсколько устарѣлое *igra* [1]), но только *igraszka*. Случаи несомнѣннаго опущенія начальнаго *і* есть и в других славянск. нар. на пр. Mikl. Gr.[2] I, 333. Т. о. за основную слав. форму нужно признать *игра*, м. б. именно *игрá*, с перенесеніем ударенія на 1-ый слог в вин. зв. ед. и во мн. (серб. шток. ȉгра, вин. ȉгру). Появленіе в нем *и* могло бы быть отнесено развѣ в доисторическую старину, если бы это оказалось необходимым, чего я ненахожу.

Значенія сл. *игра*, коими опредѣляются и значенія производных, могут быть возведены к разрядам *дѣйствія*, обозначеннаго корнем, *способа* или *формы* этого дѣйствія и его *орудія*, и приведены в такой порядок:

а) На основаніи вр. *игр-ать* пѣсни, свадьбу, *-ица, -ун*, пѣвица, пѣвец, и б) серб. *ѝгра*, хоровод, а равно выраженій относящихся к миѳической пляскѣ солнца (в моей ст. О купальских огнях, отд. отт. 4—5, Археолог. Вѣстн. 1867, III, 101), к движенію в сѣверном сіяніи („сполохи

---

[1]) „Jegomość X. Biskup obierze ku *igrze* (дѣйствіе) tę *grę* (способ, форма), która się jemu najlepsza będzie widziała", Górn. Dworz. y Linde s. v.

играют“), *игра* — пѣніе, вѣроятно, именно *воспѣваніе*, восхваленіе пѣснью, языческое, приуроченное к опредѣленному времени (ср. вр. *за́игрыши*, вторник па масляной, соб. начало игры. и мр. *ро́зигри*, о коем см. выше), сопровождаемое хороводною пляскою и инструментальною музыкой. В этом смыслѣ: „неподобаѥть крестьяномъ игръ бѣсовскихъ играти, ѥже есть плясанье, гуденье (гуд'ба), пѣсни мирьскыя (бѣсовьскыя) и жертвы идольския“, Сл. Христолюбца, XIV в., Бусл. Хр. 522.

К значенію клика примыкает вр. *игрец*, собств. nom. agentis, существо поселяющееся в человѣкѣ и причиняющее кликушество и т. п. („игрец тебя подыграй!“), мр. *грець* („бодай тебе грець убив“), м. б. между прочим тоже, что дѣтскіе „*крикливці*“, Чуб. I, 141. К значенію пляски, движенія — серб. *кона играти*, мр. *конем играти, на конику вигравати*; в Ип. л. „Угре на фарехъ и на скокахъ играхуть на Ярославли дворѣ“, Ип.[1] 56, 20 (1150); о скачкѣ, ристаніи ib. 183, 2; о летающих птицах ib. 183, 12. Под вліяніем такого значенія б. м. поль. *harc*, производимое от *harcerz* = ит. *arciere*, arcarius, лучник (Linde, Matzenauer), осмыслено как *грець, герця́* (как *швець, шевця*), джигитовка, поединок перед битвой („благослови мені... на герці погуляти“, Метл. 418—9). — Болѣе общія значенія в *игра* ludus, lusus, *играть кѣм, кого* — нетребуют поясненія; но замѣчательно в) *игра* в значеніи способа, изв. формы хоровода, святочнаго и за тѣм всякаго увеселенія (играть *во* что, на пр. *в ворона* и т. п., *в карты*), что аналогично с г), значеніем музыкальнаго инструмента: „въ бѣсовскіе игры: въ сопѣли, и въ гусли, и въ гудки, и въ домры и во всякіе игры (бы) неиграли“; „скоморохи съ домрами, сурнами, волынками и всякими играми“ (Аѳ. П. В. I, 343—4). Отсюда *игру́шка*, мр. *и́грашка*, вещь которою забавляются.

Относя *р* к суффиксу (*иг-ра*), можно сблизить корень *иг* с *jаг-*, скр. *jадж-а-ти*, чтить божество, именно восхваленіем, молитвою, жертвою, прич. буд. страд. (necessitatis) *jадж-ja*, достопочтенный, священный = гр. ἅγ-ιος, id, скр. *jаг-ас*, ср. р. = ἅγος, почитаніе, благоговѣніе и пр. (Pott,

WЬ. III, 575 сл. Fick). Т. о. *иг-ра* означало бы собств. восхваленіе и умилостивленіе божества (пѣніем, пляскою).

На сколько достовѣрно приводимое Нессельманом лит. *jag-aubis* (суф. напоминает скр. *ṛшабhа*), бог огня (как инд. *Агни*, бог домашняго очага, посредник между людьми и богами при жертвоприношеніи?) и на сколько это слово может быть отнесено сюда?

— *Икра* (общесл.) ova piscium, вр. (пск.) *икро́* ср., id, влуж. *jikra* и *jikno* ср. id. Сюда же хорут. *ikre* glandines и поль. *(i)kra,* kostka martwa, opuchnienie śledziony, twardości nabrzmiałe w bokach, болѣзненный нарост в маткѣ.

Судя по слѣдующему, рыбья икра представляется частью внутренности, печенью: *икр-а* и *икр-о* предполагают тему *икр-* = скр. *jакṛт*, ср. р. = гр. ἧπαρ(τ), ср., род. ἥπατ-ος, печень; *jikno* предполагает тему *икн* = темѣ косвенных падежей вышеупомянутаго скр. слова: род. *jакн-ас*, тв. *jакн-â* = темѣ литов. *jekn-os* (им. мн. ч.), лот. (с потерею j) *akne*, род. *-es*, и мн. *akn-is*, род. *ńu*, печень [1]), = темѣ лат. косвенных пад. при *jecur* (=*jecus) : *jecin-oris*.

Лит. *ikrai*, род. *û*, икра, заимствовано из русс.

— *Икра*, лытка, wade, откуда б. м. заимствовано лот. *ikrs*, чаще во мн. *ikri* лытки, прусс. *ittroy* = лит. *ikrai*, id, кажется, должно быть отдѣлено от предыдущаго. Связь его с лат. *ocrea*, голенище, па́голенок, наголенник сомнительна.

С обоими вышеприведенными словами неимѣет связи вр. обл. (пск.) *и-кра* (с *и* приставным, в вр. говорах—см. Колосова Обз. звуков. и форм. особенн. нар. русс. яз. 126; в мр. в моих соч. Два изсл. 93—4, Замѣт. о мр. нар. 19—23, E. Ogonowski, Studien auf dem gebiete der Ruthenischen Sprache 54—5) = поль. *kra* (=**кърa*), крыга,

---

[1]) По видимому, рѣшеніе большинства ученых склоняется к тому, чтобы считать такое *a* как в *aknis* и другое подобное в лотышских и литов. говорах, не первообразным, а производным (Arch. f. Sl. Ph. V, 579). В этом отношеніи важен между прочим лотыш. говор, образцы коего в Magazin der Lettisch. Literarisch. Gesellsch. XIV, 2, 162 сл.

льдина. Это, по аналогіи с свр. *чка,* наплавной лед (*чкать. чикать,* бить; ср. *прочика,* К пст. зв. III, 96), относится к *кар* (=*скар?) бить, что в *кръ-нъ, кур-нос,* серб. *кре-зуб* и др. По видимому иначе—Mikl. Gr. II, 87.

— *Нз-окъ,* ц.-сл., cicada, кузнечик и мѣсяц іюнь. Взяв во вниманіе, что многія насѣкомыя называются именами домашних животных в русс. и др. слав. (мое соч. О миѳ. знач. нѣкр. впров. 212 сл.), литовском (dëwo- v. perkuno- v. dangaus *ožīs,* божій, v. перунов, v. небесный козел, не только бекас [2]), но и божья коровка, coccinella), нѣмецком (Mannhredt, Germ. Mytten 243—5); отношу это слово к скр. *адж-а-* м., *адж-â* ж., козел, коза, *адж-акâ,* козка, лит. *ožīs*=лат. *āzis,* козел, лит. *ož-ka,* коза, гр. *αἴξ* (*αιγ, по Фику, из *αγ-ι-). Замѣтим, что на мѣстѣ слав. *и,* основнаго *ja* из *ă* (**аг-а-*) находим в лит. *ō*=лат. *ā.* Названіе мѣсяца по характерному для него насѣкому находит соотвѣтствіе в *чьрвьць,* насѣк. *coccus* и мѣсяц Іюнь.

— *Искра,* scintilla, при поль. *jaskr-y, -awy,* яркій, могло бы быть отнесено к разряду *u*=*ai* (см. выше): лит. *aiszkus* ясный, громкій (голос), явный, внятный, при *aszkus,* id и *iszkus* id., и ясный, свѣтлый (о цвѣтѣ). Однако ср. скр. *аччhа-* (*аск-) свѣтлый, прозрачный.

---

[1]) Основанія названія птицы и насѣкомаго различны. Ср. названія для scoopax gallinago (кромѣ поль. *słomka,* scol. rusticola=собств. słąka, как видно из слов., чеш. *sluka,* русс. *слука,* серб. *шлука,* от криваго полета): поль. (и русс., если незаимств. из поль.) *be-k-as* (при beczéć), илуж. *biakut* (при *biakaś, biacaś,* блеять), поль. *kozielek, baranek,* русс. *дикій барашек* („заблеял—кружась в голубой вышинѣ весенняго воздуха, падая из под небес крутыми дугами к низу и быстро поднимаясь вверх“, С. Аксаков, Зап. руж. охотн.[3], 44), т. к. во время спариванья поднимаясь на большую высоту, там крыльями производит звук подобный отдаленному блеянью. Отсюда же названія: вышеприведенное литовское, лот. *pe'rkoña kaza*; нѣм. *hawerzêg, hawerzicke, hâwerbuck, habergeiss,* id., по Гримму неимѣет отношенія к *овсу,* и заключает в себѣ=агс. *hāfer*=сканд. *hafr*=лат. *caper,* так что *hafer-bock* есть тавтологія (Mannhardt Wald v. Feldkultus, II, 180), как до нѣкоторой степени и лот. *kiku-kaza,* болотный бекас при *kikuts,* id.

Сюда же мѣстоименіе *и* (ja-c), а вѣроятно и союз *и*

Как думать о формах, как чеш. *jehla*, влуж. *jehla*, *iahla*, хорв. *jagla;* хорут. *jegra* (у Линде)? Почему в названных выше случаях находим в слав. *и(ji?)*, тогда как скр. *jабh-* = слав. ѥб-?— Это оставляю вопросом. Я хотѣл только сдѣлать вѣроятным, что

слав. *ир-* в *ирьй* может соотвѣтствовать основн. *ар-*, что в скр. *арай-а,* ж. *-й* чужой дальній [1]), *âpâm* (abl. от темы *âра-*) из далека, издали, далеко от, в даль, *арê* (loc. от той же темы) в дали, в дали от..., лот. *ârs* (и ж. âra), все внѣ дома (das aussen), *ārzeme* земля на отшибѣ, чужая страна, лит. *ōras,* тоже что лат. *ārs* (ant oro eiti, итп на двор; *ore,* на дворѣ, внѣ дома = скр. *âpê*; *oran* на двор), а также воздух, погода, небо; лат. arca (Fick).

Если бы это было так, что *ирьй* представлялся бы далью, или чужой, дальней страной.

Есть однакож еще одна возможность, которую б. м. слѣдует предпочесть остальным: *ирий* = гр. ἠέρ-ιος, утренній (осн. ф. *ajap-ja; ср. *α-νεφ-ιός, нетий* = *наптjа); ср. ἦρι, рано; зенд. *ajape*; ср. день, гот. *air*, рано, др. вн. *êr*. В звуковом отношеніи это сближеніе примыкало бы к *иск-* = **aisk-*, с тою разницею, что здѣсь *й* возникло бы не из одного **ai*, а из *aja*, как в *-и-ши=аjа-си*. Ирей представлялся бы в таком случаѣ как утренняя (восточная) страна, ср. хорут. jutrowa deżela, morgen land.

---

[1]) Отсюда скр. *аранjа* м. ср. невоздѣланное и неслужащее постоянным пастьбищем мѣсто, пустошь, лѣс. По слишком большому сходству, вряд ли это сродно с вр. *алань, ялань, елань,* поляна в лѣсу, мѣсто, то возвышенное, то низменное, годное для покоса и пастьбища.

4.

Щавй-дуб и пр. (**ску, *скју*).

Щавй-дуб—имя одного из сказочных богатырей, товарищей Котигорошка (Чуб. Тр. Этн. Эксп. в зап. Р. кр. II, 229 сл.; ср. мое соч. О мно. зн. и пр. 271; Ао. П. В. II, 703 сл; К ист. зв. III, 120). Хотя сказки прямо неговорят, но надо думать, что ремесло его не то, что у Вернидуба, словен. Ломидрева или Валибука (Škult. a Dobš. Slov. Pov. 87 сл.), а скорѣе то, что у слов. Мѣсижелѣза (ib. 90), или того богатыря, за котораго выдает себя цыган или Балда в русс. сказках, когда заставляет думать змѣя или чорта, что как сожмет в рукѣ желѣзо, то из него сок потечет (на самом дѣлѣ он выжимает сыворотку из сыру). Может быть Щавидуб близок к Морозу-трѣскуну не в той роли, которую ему дают сказки (Ао. 1. с.), а в той, которую мы видим в лѣсах: роли заставляющаго трѣщать дубы и выжимающаго из трѣщин сок, ибо:

зча́вити (Чуб. ib. 383), т. е. *зщавити* сдавить; „довбня его *розчавйчила* (ib. 97), т. е. *розщавичила*, разможжила; „*розща́вити* губу“ (я отмѣчаю по памяти), расквасить. Это послѣднее знач. ведет к дальнѣйшему родству слов темы *щав-*:

В *расквасить*, разбить или раздавить так, чтоб потекло, значенiе „давить“ представлено со стороны послѣдствiя, что предполагает предыдущее значенiе мочить, увлажать, которое находим в русс. *киснуть* мокнуть (и в серб.), серб. *ки̏шати* и *киселити* намачивать (бѣлье в водѣ), *квасити* увлажать, макать. С другой стороны и значенiя кислоты, бродила и пр. в русс. *простокиша*, *простокваша*

(К ист. зв., III, 51), *квасъ,* питье (ц. сл.), пир, именно свадебный (в. луж.), fermentum, acidum etc. (куда нѣкр. относят *caseus*, отк. käse, кельт. *kaus, caws, cos,* сыръ, куда), *кысель*, acidus, предполагают тоже значеніе жидкости, может быть именно значеніе *сочить, -ся, капать* (если *ква-с-ъ* =*(с)ку-с)* [1]).

---

[1]) Подобныя значенія получатся, если соединить в одно семейство: слав. *су-*, сыпать, лить (между прочим поль. *suty*), ошибочно отнесенное мною к *совати* и лит. *szauti* (К ист. зв., III, 94—5); скр. *су-*, окроплять (с *абһи;* сюда гр. ὕ-ει, дождь идет), зарождать (о муж. сѣмени, откуда *сӯну-с,* сын), выжимать сок; скр. *сава-* муж. ср. сок (Дрви., ср. вн. *sou*, род. *sowes*, saft, Fick), выжиманье сомы (см. ниже); скр. *сáв-ана-*, ср., сок, его выраженье из сомы и возліяніе; веселое празденство и пир в честь Сомы; скр. *сô-ма-*, м., сок, растеніе из котораго выжимался сок и приготовлялся опьяняющій напиток народом, говорившим языком Ведъ, по БР. sarcostemma acidum, с кисловатым молочным соком, и другія (по нѣкоторым—asclepias acida); напиток из него (см. между прочим Вс. Миллер, Оч. ар. миѳол. I, 81), мѣсяц как божество и пр.; скр. *су-рâ* ж., спиртной напиток, хлѣбная водка (БР.; Вс. Милл., l. c. 81—2); слав. *сы-ръ*, humidus (в этом смыслѣ *сыра земля, сыръ бор, сыр дуб*), crudus, *сыровъ* (русс. поль. *суров-*, отк. вр. обл. *сувор-ый*), id, откуда в русс. крѣпкій, строгій, рѣзкій, скорый и мн. др. [1]); вр. *суров-ец*, мр. *сирівець*, хлѣбный квас (не непремѣнно сырой, т. е. не хлѣбный а мучной, как думает Даль); *-ика, -ица,* первый погон смолы или дегтю, водянистый; п. *surowica*, соляная ропа для выварки соли. Т. о. и в славянском находим значеніе темы *су-р-, сӯ-р-* свойственное ей в лит.-лот.: лит. *suru-s*, соленый, лот. *sû-rs*, тоже, а также кислый (о яблоках; неясность различія между кислый, соленый, горькій—в нѣм. *saurer schweiss*, *горькій* пот), горькій, тяжелый, трудный. В герм. нарѣчіях та же тема в др. вн. *sûr-ougi*, *кислоокій*, triet-äugig, *sûr* [2]), нов. вн. *sauer*, кислый, горькій, непріятный. Такое построеніе ка-

---

[1]) Тихо сказать дитям—непослушают, *Су́рово* да сказать дитям—обиждаются, Барс. Прич. 87; Вдова: „Мнѣ недать спѣси во бладу во головушку, Суровьства (по мнѣнію издат., рьяности, горячности) да во ретливое сердечюшко, ib. 39; Ворочусь да тут горюша поскорешенько; По новым сѣням да суровешенько. ib. 223.

[2]) Откуда поль. *żur*, мучной квас для борщу.

Как *расквасить* относится ко *квас-*, *кыс-* в значеніи жидкости и кислоты, так *розщавити*—к слѣдующему:

Серб. *шта̏в-а* моченье кож для дубленья, *-ити* кожу= чинити (т. е. собств. мочить, м. б. именно в „квасу"). Сюда же ц. сл. *штав-ьство* mollities, обратно с отношеніем нѣм. *weich* к *einweichen*. Ч. *šťáv*, *šťovík*, сок. Основн. слав. **щавјь*, rumex : русс. *щаве́ль* и *ща́вель*, род. *-вля*, *-влю*,

---

жется болѣе вѣроятным, чѣм то, которое дѣлит *sur-us* и сближает *sur* с *sar* в скр. *сара* ср. вода, м. соль = гр. ἅλ-ς, море, соль, лат. *sal*, сл. *соль*.

Принимаемое и Миклошичем (Lex.) сближеніе Курціуса греческаго ὀρός (spir. lenis вм. *с*, как в ἐτεός истинный = скр. сатјас), лат. *serum*, сыворотка, скр. *сара-с*, ссѣвшееся молоко, со слав. *сыръ* caseus, если бы оказалось предпочтительным, повлекло бы за собою отдѣленіе и лит. *surus* и пр. от *су-* и присоединеніе его к корню *сар-*. Ибо *сыръ* (откуда могут быть заимствованы лит. *suris*, лот. *sêrs*, caseus) и *сыроватка* (откуда вр. *сы́воротка*, как *суров=сувор*); чеш. *syrowatka*, вл. *syrowatka*, нл. *srowatka*, п. *syrowatka*, *sérwatka*, хорут. *siratka*, *sirotka*, серб. *су̏рутка*, болг. *сурва́тка̀*, serum (= поль. *kapałka*, вл. *kapalca*, н. луж. *kapalica*, как жидкое, отцѣживаемое) трудно будет отдѣлить от темы *suru-*, так как есть указаніе, что в *сыръ* ъ=у; именно не только род., а в вр. и мѣстн. *сыру*, в *сыру́*, но и мр. зват.: Ой сиру-ж мій сиру, да білій же ти снігу; Ой зятю-ж мій зятю, да милій же ти сину (sic, б. м. единственный живой остаток родит. *сыноу*, Метл. 192)[1]). Конечно, такое указаніе недостаточно без подтвержденія древними памятниками.

Во всяком случаѣ, раздѣлим ли мы: *сы-р-ъ* (кор. су), или, предположивши переход ар- в ур-, *сыр-ъ* (кор. *сар-*), значеніе *caseus* будет здѣсь предполагать посредственно или непосредственно значеніе жидкости, как скр. *сара-м* и *са̂ра-с*, coagulum (Pott, Wz. Wb., II, 1, 661), отлично от *твар-огъ*, при поль. *tworzyć sery*, вл. *tworić mleko*, лит. *kėžą twérti*, отдавливать сыр, хорв. *tworilo*, форма для сыра (Лавровскій, Опис. семи рукоп. 76, Чт. в Об. Ист. и Др. 1859, IV), что сходно с фр. *fromage*, ит. *formaggio*, от *forma*, в знач. сосуда или корзинки для дѣланья сыра.

---

[1]) „Бѣл, как сыр" ср. с „вѣжа средѣ города высока, убѣлена яко сыръ", Ип.[1] 196.

серб. *штавељ, штáвал,* род. *-вла, штāвље,* ср. (Босн., Дубр. штавје), ч. *šťavel, štavík, šťovík,* поль. *szczav', -wiu,* rumex, хорут. *ščav,* зелень свеклы, картофеля и пр. Представленіе здѣсь сходное с русс. — *кислица* и пр. (Даль, щавель) хорв., хорут. *kislica, kiselica,* rumex acetosa. Лот. *skābeńes,* род. *ńu,* мн. щавель, при *skābs,* лит. *skabus,* острый, кислый, или должно быть совсѣм отдѣлено от славян. *щав-,* или, что затруднительно, возведено к **skav-*.

С этим *щав-, *щьв-* можно сблизить вр. *щ-и,* мн., род. *щей,* похлебка из щавлю, ботвинья или кислой капусты.

В скр. ср. *чју-, чјав-а-тê,* колебаться, двигаться, удаляться, выходить; *вытекать струей* и *каплями* (из *скју); *ç̌ју-т-* сочиться, капать, источать.

— *Скава* и пр. Предположив, что в слав. *щав-* небность развилась независимо от скр. *(с)чју-,* или же — что издревле существовали параллельныя формы небная (отк. щав-) и твердая (скав-), можно бы отнести сюда же п. *Skawa,* приток Вислы, вытекающій из запад. Бескидов. В таком случаѣ *Skawa* : **ску* (течь)=*Сава* : *су* (течь), или еще частнѣе: *Skawa* : **щава* (сок)=*Сула* (приток Днѣпра) : лит. *sulà* березовый или кленовый сок, лот. *sula,* тоже, а равно pênu sula, сыворотка (=лот. *suliña, pasuliña,* относительно *pa = па-сока), galás sula* мясной навар, *asins* s. сукровица, *sulōt* пускать из себя сок, медленно течь, капать [1]). В таком же отношеніи р. *Оскол,* приток Донца (при лит. *skal-auti,* полоскать, скр. *кшал-ати* (из скал-) течет, *кшâлајати,* омывает, мое Сл. о П. Иг.. 105) к поль. (куяв.) *oskoła, oszkoła,* березовый сок (Kolberg, Lud, IV, Словарь). Ср. также отношенія: *Мжа* (т. е. *Мьжа,* рѣка в разных мѣстностях) и обще индо-евр. кор. *миһ* (мочиться,

---

[1]) В звуковом отношеніи — сближеніе неточное, ибо слав. *у*=лит. *au,* а не *ŭ*.

псточать сѣмя), mingere, лит. *myžti*; *Псёл*, род. *Псла*, мр. *Псло*, м. р., др. русс. *Пьс-лъ* (къ Песлу, Лавр.[1], 146), кор. *пис*, что в дѣтском *писять*, серб. *пишати*, лит. *pissa*, cunnus, *pisti* coire.

Лежат ли в основаніи этих и подобных названій конкретные образы, на пр. происхожденія рѣк от мочи небесных существ (Аѳ. П. В. I, 670 сл.), или же значенія болѣе общія, на пр. ручья, потока, рѣшить трудно. Скорѣе всего то то, то другое.

Замѣчу к слову, что мнѣ кажется слишком поспѣшным возводить *Израй* или *Изрой*-рѣку вр. былин к Израилю, аналогично с Сафат-рѣкой, в которую превратилась Іосафатова долина (Безсонов в Кир. П. IV, CXVI; Jagić Arch. I, 85). М. б. измѣненіе *о* в *а* в *Израй* и произошло таким образом; по *из-рой*=поль. *z-d-rój*, caput fontis, синонимично с серб. *из-вор*, *извир*, мр. *звір*, род., *звора*, Гол. I, 156, и с былинной рѣкой *Самородиной* (Кир. I, 36 et pass.; чтеніе „Самородина" во многих случаях возстановляет размѣр 5+5), откуда искаженіе: р. *Смородина*. Т. о. названіе *Изрой-рѣка* м. б. архаично, ибо как нарицательное= поль. zdroj (*из-д-рой, скр. *raj-a-s* поток) [2]), сколько извѣстно, в русском языкѣ неуцѣлѣло.

Подобным образом былинная *Сорога-рѣка* (Рыбн., I, 261; она же *Черёга*, Кир. П. IV, указатель; измѣненіе *с* в *с* нёбное и *ч* мыслимо в свр. говорах, измѣняющих, *ч* небное в *ц* и *с*; ср. *точмян*, *течмян*=*тесьмян*, Колосов, Матер. для

---

[1]) На оборот, вм. *смородина* ягода (первоначально—только черная, ribes nigrum, от душистых листьев; вѣроятно только к ней относилось первоначально и назв. мр. *по-річки*, п. *porzeczki*, красная и бѣлая см., откуда мр. *позички* в посл.: „був голосок, та позички зъіли", т. о. голос пропал от кислоты ягод) в вр. п. *самородина*:

В саду ягодка самородинка!
Ты когда взошла, когда выросла?

(Земля В. Д., ст. Трехостровянская, зап. студ. Аврамов).

[2]) Сюда же и *рой* пылъ, как стремленіе.

характ. свр. нар. 30; Обз. звук. и форм. особ. нар. р. яз., 177—8), могла быть нарицательным именем потока: кор. *сарг,* что в скр. *ср̊джáти,* испускать, изливать, производить (сюда *селезень,* К ист. зв. I, 167, но не *селез-енка,* гдѣ *селез* = **сп..лгh-),* *сарга-* муж. в знач. струи (strahl von flüssigen, guiss, das hingiessen), хорут. *sraga* капля (=русс. *сорога), общесл. *сльза.*

5.

— *Честь,* мр. *частовáти* (К пст. зв., III, 45), вр. *пóтчевать* (Срезн. Изв. Имп. Ак. Н. по Отд. Р. яз. VII, 213—7; *Грот,* Спорные вопр. русс. правопис. Спб. 1876, 446). Предположеніе, что *потчевать* от поль. *poczta,* honorarium, ehrengeschenk, необъясняет *ч* в *потчевать, потчивать, поччивать, -ччую.* Как из *лучше—лучче* и *лутче,* и как из *дъщанъ—*тчан, *ччан, чан;* так м. б. из *щ* в **пóчьщевати* (конечно с удареніем несовсѣм обычным)—*чч* и *тч.* — Особенность значенія упомянутых глаголов—чтить или угощать именно напитками или наѣдками, что предполагает такое же частное значеніе в *честь* и *почесть.* Кромѣ серб. *част,* поль. *uczta,* вр. *честь* (Срезн. l. c.), ср. еще мр.

Мати сина вираджала,
А вираджавши научала:
„*Непий,* синоньку, першої *чести* в тещі
„Вилий, синоньку, коникові на гривоньку,
„Щоб гривонька ласнавенька була,
„Щоб наша дівонька прикладненька була,

(Когда молодой с короваем ѣдет к молодой, Stecki, Wołyń, I, 79).

...Да хоч же ми бо сидимо,
Да не вашую *честь пьемо;*
Хоч за вашими столами,
Дак за сватніми чашами,
Бориспіль, Переясл. у. Чуб. IV, 209.

А я в чужум краю сама пробываю,
А свого брата *на чесць зазываю,*
Zieńkiewicz, P. l. Pińsk. 372.

Сходно с этим *повага*—почестное угощеніе:

Були ми у пана,
Була нам *повага:*
Пили мед—горілку
За Марисю дівку,
Выпили бочку пива,
За хорошого сина.

(На другой день послѣ свадьбы, идучи „ze dworu“, Stecki, Wołyń, I, 86).

6.

Д(ъ)на, род болѣзни. В Ип. л. под. 1152, ²319: кн. Володимир Галицкій цѣловал крест (с частицею всечестного креста) к Изяславу и королю Угорскому, с тѣм, что ежели соступит цѣлованія, то небудет жив. Когда сол Изяславов Петр Бориславичь напоминает Володимиру об этом, он издѣвается: „сий ли крестець малый?“ и грубо отсылает Петра. „И яко же съѣха Петръ съ княжа двора, и Володимиръ поиде к божници къ святому Спасу на вечернюю, и якоже бы на переходѣхъ до божници, и ту види Петра ѣдуща и поругася ему: „поѣха мужь Руский обуимавъ вся волости!“ И то рекъ, иде на полати. И отпѣвше вечернюю, Володимиръ же (иде) от божници... Яко же бы на томъ мѣстѣ, на степени (вар. на томъ же степенѣ), идѣ же поругася Петрови, и рече: „оле тѣ (вар. олетъте мнѣ; вѣроятно: „оле-ти мнѣ“, как вр. ох-ти мнѣ)! *нѣкто мя удари за плече!*“ И неможе с того мѣста ни мало поступити, и хотѣ летѣти (упасть), и ту подъхытиша и҆ подъ руцѣ, и несоша и҆ въ горенку, и вложиша и҆ въ укропъ (= въ горячую ванну), и молвяхуть, яко „*дна есть подъступила*“, инии же другояко молвяху, и много прикладывахуть (=говорили по этому поводу, мр. прикладали). И бысть велми вечеръ, Володимиръ же нача изнемагати велми; и яко же бы влягомо, и тако Володимиръ Галичьскыи князь прѣставися“. Ту же, подобную удару и подвижную боль изображаетъ мѣсто из сб. XV в. (Вост. Слов.): „*дна*... аки молнiиному по(до)бству под(о)бящися скорос(ть) имѣетъ и въ все входит, и горѣ, и долу, и в жилы, и члѣны, и в кости; ес(ть) же та дна акы вода тонка и злач-

на (?). В лѣчебн. XVII в. (Вост. ib.)—globulus hystericus, что „под ложечку подкатывается“: „елей из горких миндальных ядер пользует немощам женским, у коих дна движется, и к грудемъ приступит, аки давити хощет, и тѣм женам помазуем груди и пуп, и дна станет на своем мѣстѣ.“ В Домостроѣ *дна* (sic, по Конш. сп., а не *два*), вѣроятно, не болѣзнь, а вещь (м. б. рукописный заговор), относящаяся к ней: должному лѣченью болѣзней божей милостью, по видимому, противополагается: „чарованіе, и волхвованіе, и наузи, и звѣздочетіе, рафли, алнамахи (алма-), чернокнижье, воронограй, шестокрыл, стрѣлки громныя, топорки, *усовники* (см. ниже), *дна*, каменіе, кости волшебныя и иныя всякія козни волшебныя бѣсовскія“, Домостр.[2] III, 16.

В поль. *dna*, -y, *denna* v. *dnawa* boleść, łamanie stawów: — ręczna, chiragra; — nożna, podagra;—brzuchowa, trzewna; boleści w biodrach. Тоже в чеш. и слов., хорв. (Linde); хорут. *dna*, colica. Отсюда вр. *дóнник*, melilotus off. (как лѣкарство от дны) [1]).

В значеніи слова *дъна* нѣт основаній для сближенія, его с *дъно* fundus (Mikl. и др.); но если послѣднее не из **бъдно* (предположеннаго в угоду скр-му *будhнас*), из коего

---

[1]) =мр. *буркýн, б.-зiлля, бурковúна*, гдѣ *у* из о неударяемаго, как в *будяк* и пр. Ср. поль. *bark* рамя, *barkowe pióro*, болѣе короткое (?) перо в крылѣ, чеш. *brk* маховое перо, серб. *брцје* v. *брчно* перо, крайнее, твердое перо. Таким образом *буркун* значило бы или перистый, или раменастый. То и другое идет. В мр. пѣснѣ

„Ой ти козаче, хрещатый барвiночку!
„Хто ж тобi постеле у дорозi та постiлечку!
— Ой стелеться менi широкий лист та бурковина,
Пiд голови голубая та жупанина

—иронія: листья бурковины узкія и стлать ее неудобно.

Сюда же мр. *прибóркати*, с тѣм же знач. предлога, как в Сл. о П. Иг. *приломити:* чеш: brky sraziti, die flügel stutzen, обрѣзать крылья, прибрать к рукам. Этого *-борк- =бърк-* несмѣшивать с мр. *роз-бур-к-ати*, расшевелить, разбудить, гдѣ *у* коренное (бурити) и *-к-* уменьшительное.

должно бы выйти не *дъно,* а **бъно,* а из формы=лит. *dugnas* (из **dubnas,* как *bugnas* из *bubnas,* бубен), дно, при *dùbus,* выжелобленный, глубокій о сосудѣ, т. е. если *дъно* из **дъбно:* то и в *дъна,* morbus qu., можно бы предположить то-же *дъб-* ср. вр. проклятіе: „норéц тебя пзныряй“ (о болѣзни; ср. Даль под *нора*).

Со стороны значенія удобнѣе было бы сблизить *дъна* с **дваrh,* зенд. *dwaozh-* гнать (бить?), дрвн. *zwic,* удар, толчок, *zwangjan,* толкать, *zwangon* погонять, лит. *daužti* бить, толкать, ломать (Fick). В таком случаѣ нужно бы предположить в *дъна* родство или тождество с цсл. *дъгна,* cicatrix. Сочетаніе -гн- в *стыгно, ягня, багно* м. б. предполагает *-гън-,* как *окъно, сукъно.* В противном случаѣ, на основаніи *лу(к)на, сь(к)но,* можно бы ожидать только форм как *дъ(г)на,* а не *дъгна.*

Однако, хотя такое объясненіе казалось бы удовлетворительным, прийдется, по видимому, возвратиться к предположенію, что в *дъна* заключено не *дъг-* (= *дваrh), а *бъд-,* и что это слово—из *бъдьна* [1]). Именно, Караджич говорит, что Черногорцы и почти всѣ сосѣдніе с ними Приморцы, вмѣсто *ъ, ь* внутри слов при согласных, кромѣ *р, л,* произносят не *а,* а звук средній между *а* и *е,* болѣе близкій к *е,* чѣм к *а* (Пословице, XXVII). По этому в названных мѣстностях, как архаизм, могла бы уцѣлѣть форма *бедена* (из **бъдьна*). Но именно такое названіе болѣзни *далак* (splenis induratio) находим в сербском заклинаніи: „Шта ћеш ту, *бедено*? Овде за тебе места нема.... Одавде да идеш... Устани на траг, *бедено!*“ (Милићевић, Живот Срба сељака. Гласник, V (XXII), 177).

---

[1]) Как серб. *деније* из бдѣнию, vigiliae.

7.

— **Су-ти* (сунжти, совати) = лит. *szauti*. *У-совь*. *Сулица*. Сближенія, кромѣ *усовь*, общеизвѣстныя, но требующія нѣкоторых поправок и дополненій. Так у Mikl. Lex. под *сунжти* первое значеніе *effundere*, 2-е сунн оружие и щитъ, сунути копиюм. Между тѣм 1-е *сунжти* (*сути*, *сън-ж* лить, сыпать [1]) предполагает общеиндоевроп. *су-*, лит. *su* (см. под Щавидуб), а 2-е имѣет с = лит. sz, санскр. ç = *k. Таким же образом сближеніе *совати* (с=лит. *sz*) с скр. *çŷ* incitare, гр. σεύειν, Mikl. Lex. s. v., Curt., ошибочно.

Во 2-ом **соу-ти*, *су-нж-ти*, *сов-а-ти* основное зн. движенія то-же, что в нынѣшнем русс. [2]); за тѣм — о движеніи пущеннаго копья и ударѣ им: ту и (Андрея Боголюб. 1174) насунуша рогатинами, Н. I, 16; просунути рогатиною, Ип²; 272; господи... прими оружие и щитъ и востани въ помощь мнѣ и суни оружие и заври предгонящимъ ми, XIV в. Срезн. Сказ. о Бор. и Гл. 19. С этим вполнѣ согласны: лит. *száu-nu*, *száuju*, *szauti*, лот. *szaut*, совать, напр. лит. сажать хлѣбы в печь, и о других быстрых движеніях, (почему сюда лит. *szaun-us* быстрый, сильный, превосходный, *-ej*, нар. быстро и пр., очень), лот. *prâtâ szautês* прійти (насунуться) на ум; о движеніи ткацкаго челнока (лот. *szautawa*, тк. челнок); предполагается, что и о полетѣ оружія, откуда *szauti* и лот. *szaut*—стрѣлять, лит. *szuwis* одноразовое движеніе ткацкаго челнока (нѣм. schiessen, schuss), выстрѣл, заряд; лит. *szau-d-y-ti* стрѣлять, *-dykle*, чѣм стрѣляют, стрѣла; ткацкій челнок.

---

[1]) Нѣмци... изъ города высушася, Н. I, 49; ср. ib. 56; расушася стрѣлами по полю, Сл. о П. Иг.; Татарове разсунушася по земли Лавр.¹, 202; да не выспуться на насъ изъ города Л.¹, 146. Сюда же ц. сл., ст. русс. *расыпати*, *-ся*, разрушить, -ся.

[2]) Сюда ср. *насовень*, род сарафана, засов; *засов*, *просов* и пр.

Сюда же: мр. *су-к-атись,* соваться: „чорт сукаеться до души, як ря́бець до курки“; вр. *сула́-юла,* непосѣда, суетливый, что вездѣ суеться; *суля́ть, сулить,* совать, толкать.

Общесл. **сулиця* (цсл., ст. русс., серб., хорв., хорут. поль. *sulica* (Rej), ч. *sudlice* со вставным, а не основным *d*) копье. В частности: а) метательное: крестоносцы осаждавшіе Цареград, „бьяхуть съ высокыхъ скалъ (= лат.; scala, лѣстница) Грьки и Варягы каменіемъ и стрѣлами и сулицами, Н. I, 28; Ляхом сулицами мечюще, Ип², 538, Данилови же и Львови... вергъшимъ сулицами, ib. 552; б) копье, коим „изручь бодяхуться“: Львови... убодшему сулицю свою въ щитъ его и немогущю ему *тулитися* (закрываться щитом), ib. 549; в) остріе копья: сулици его кровавѣ сущи и оскѣпищю (=мр. ратище) псѣчену отъ (в)даренья мечеваго, ib. 512; ср. „якы козелъ копіинѫ сулицѫ (δόρατος αἰχμὴν) имѣя въ жтробѣ, Вост. Сл. из лѣтоп. Манас. 1350. Из ученых уже Линде относит это сл. к сунуть. Что так понималось издревле, видно из сравненія слѣдующих мѣст: „побѣгоша на лѣсъ, помешавъше оружія и щиты и *совни,* все отъ себе, Новг. I, Син., тогда как в Ак. сп. „и *сулици* и весь пристрой, Н. I, 49. Слово дославянское: скр. *ҫӯла-* м. ср., рожен, метательное и ручное копіе; кол, на который сажали преступников; острая боль, колотье, зенд. *гао-ҫӯра,* ж. копье.

— *Усунути* в частности примѣняется к появленію острой боли, как от копейнаго удара. О болѣзни Володимира Галиц. (см. выше, *дъна)* говорят: „что-си (=мр. що-сь) *усунулъ* (чит. *-ло*) за плече (Хл. и Пог.: „что-се и усуну“) и с того нача велми изнемагати“, Ип², 320. Поэтому сюда вр. *усовь,* ж., мн. *усо́ви,* р. *-ей, усовье* ср. колотье, страданіе представляемое дѣйствіем остраго оружія: „его усови порют“; „неѣжь через нож : усови колют“ (будет колотье). Заговор от усовей, Бусл. И. Хр. 1353=Майк. Закл. N. 90. Серб. *усов* м., мицина=ницина, tuber, олицетворяется в *басмах* (заговорах), Гласн. V(=XXII), 1867, Миличевић, живот Срба села̂ка, 185.

Как в мр. *трясця,* так и здѣсь—переход от изв. болѣзни к общему зн. бѣды, напасти (мр. лихо, ха́лепа): „вишь *у́совь* приспѣла: дорогу править выгоняют“ (Д.).

Вр. *усовный* (бѣдовый?), забористый (хрѣн), проказливый, шутник. Сер. *ȕсован* човјек, morosus, раздражательный;—*јело,* противное, о вкусѣ.

8.

Гостецъ, ковтун. Бопланъ (1-ая полов. XVII в.) говорит: „козаки почти незнают весьма обыкновенной въ Польшѣ болѣзни, называемой колтуномъ“. Они „называют ее *goschés*“ (Описаніе Украйны. СПб. 1832, 8), т. е., как вѣрно понято переводчиком, *гостéцъ*. Линде в красную строку ставит формы *goździec, gwoździec,* возникшія из *gośćciec,* вѣроятно, под вліяніем *goźdź* clavus hystericus. Смотря потому, предположить ли, что в суффиксѣ *-ьцъ* в разсматриваемом случаѣ преобладает значеніе ласкательности, или зн. собственно уменьшительности, *гост-ьцъ* может собствен. значить или „добрый,“ „милый гость“ или „гостек, маленькій гость“. Первое толкованіе подтверждается обычностью умилостивительнаго названія болѣзней: *лихо-радка* (собств. зло-дѣйка), или *лихо-манка* (соб. умышляющая лихое; ср. δυςμενής, зендс. дус-мананh, скр. дурманас, при чем, конечно, затрудняет *а* в славян. *ман-*) называется в вр. *гостья, гостьюшка, добрава, добруха* (см. и Бусл. Оч. I, 199); вм- *чума* и *куга* говорят в серб: *кума*, „да је непалуте“, чтобы неразсердить (Кар. Рјечн. *куга*; Милићевић Живот Срба сельака, Гласник XXXVII, 167). Но ласкательность предполагает уменьшительность, на которую указывает и нѣм. названіе колтуна: *wichtelzopf* (отсюда weichselzopf?), от *wichtel*, уменьшителнаго при *wicht.*

Собрано довольно много подтвержденій сродства *души, мары, домового, болъзни* (мои соч. О миѳ. зн. нѣкр. обр. и повѣр. 294 сл. и „О долѣ“, 19 сл. в Древностях, Тр. Моск. Арх. Общ. II; Аѳан. П. В. III, 214—8 et pass; см. также Спенсера, Основанія Соціологіи, I и др.). Между прочим, как домовой, душа предка, сбивает в колтун лошадиныя гривы (Даль Сл.; Номис, Приказ., 263 и др.); так нѣм. *der Mahr (der Alp),* мара, сплетает волосы людей, которых давит во снѣ (Grimm Deutsche sagen², N. 81), отчего колтун носит названіе *Mahrenflechte* (Schröttleinszopf). Как мара бывает мужчиной и женщиной (incubus et succubus), так *гостецъ* есть самец или самица (Драгоманов,

Мр. Пред. 40—1) [1]). Это маленькое демоническое существо (elbisches wesen) избирает, излюбливает тѣло человѣка своим мѣстопребываніем („Що гостець полюбить", Ном. 160) и мучит человѣка (посл. „мнеть, як гостець бабу", ib. 78), или же, по другому взгляду, постоянно живет в костях каждаго человѣка, но сказывается ломотою в костях лишь когда его оскорбят (Драгом. l. c.). Каково оно на вид, можно заключить из слѣдующаго. Общераспространенное представленіе души мотыльком (напр. *бабочка*, мотылек, вѣроятно, как душа бабки, предка женскаго пола; Яросл. *душичка*, бабочка), является и в таком видѣ, что, по нѣмец. повѣрью, люди со сросшимися бровями (т. е. с дурным взглядом, способным изурочить) одной своей мыслью насылают на других den Alp, который вылетает у них из бровей маленьким бѣлым мотыльком (Grimm D. sagen², N. 81). В таком же видѣ (преимущ. в видѣ ночного мотылька; ср. у Кар. *ноћница*) из серб. вѣштицы вылетает во снѣ душа, съѣдающая у людей сердце, почему хорут. *věšča*—вѣдьма и мотылек (Бусл. Оч. I, 10). Первое из этих значеній существует в вр. *вѣщица* (Перм. Арх. и др. Даль и Ефименко, Матеріялы по этногр. II, 147), вѣдьма вѣдунья. Что тоже значеніе существовало в южн. (и зап.) русском, видно из производнаго: „*wieszczyce*, abo *Ruski kołtun*" (Syreniusz у Линде s. v.). Что это производное знач. образовано через посредство значенія мотылька, насылаемаго вѣдьмою и что, стало быть, *гостець* представлялся таким мотыльком, слѣдует из того, что признак вѣдовства, мудрости перенесен на мотылька в галиц. *мудрагель*, собств. тоже, что поль. mędrek, и в этом послѣднем значеніи у Линде *mudrohel* и полонизованное *mądrohel* (sub

---

[1]) Ср. серб. заговор (басму) „од урока": „*Урок* седи над прагом, *урочица* под прагом;... што урок уречe, урочица одрече. Сјер (?) ми ти у очи, а вештица у срце", Милиђев. Гласн. XXXVII, 147. Помѣщеніе уроков (самца и самицы) у порога, м. б.—в связи с существовавшим нѣкогда обычаем хоронить дѣтей под порогом.

mędrek), в коем *h*—слѣд русскаго происхожденія; у Носовича *мудрогель* (*-ель*, перед коим сохранено *г*, мнѣ необъяснимо; *-аг-* тоже, что в мр. *бід-ол-аг-а*):

Ой пелітай, *мудрагелю*, по під чорну стелю,
Непороши миленькому білую постелю.

Ссылка мною утеряна. Если окажется, что *мудрагель* дѣйствительно значит здѣсь мотылек, то приведенный варіант лучше, чѣм у Žeg. P. P. L. R. II, 195 („Ой нелітай *мурандело*" и пр; *мурандель* будьто бы значит „mrówka"; что за удивительное зрѣніе: увидѣть (крылатаго) муравья под чорным сволоком!) и чѣм у Гол. II, 314 („Ой нелітай, *воробею*...) и II, 588, („Ой нелітай, коростелю, по під чорну стелю", нелѣпость, которая объясняется вліяніем дальнѣйших стихов, в которых коростель у мѣста: „Ой нелітай, коростелю, у ночі по саду...").

Милый образ: постель постланная милому—такой бѣлизны, что на ней будет замѣтна даже пылинка сажи, отбитая от потолка курной хаты крылом ночнаго мотылька. Им объясняется мѣсто в свадебной пѣснѣ, само по себѣ непонятное:

Прилетів шершень з стелі
Та впав на постелі... Гол. II, 114; упал и запылил ее: так она бѣла.

Другой, Украинской мѣстности, гдѣ курная хата уже неслыхана и гдѣ „стеля—як папір біла", принадлежит сходное с этим косвенное изображеніе чистоты вѣнка:

Зять на те непогляне,
Що свість вінок каляє
Об стелю, об стелиночку,
Об білую паперпночку, Чуб. IV, 196.

Возвращаюсь к названію болѣзни.

По Кнапскому (1641, у Линде), *gozdziec* est morbus ipse, non modo circa capillos, sed et in venis, nervis, musculis, carne et ossibus haerens et vehementer crucians; *kołtun* est proprie capillorum ex hoc morbo complicatio". Кромѣ этого *gościec francuzski*=мр. пранці.

Что *колтун*, мр.*ковтун* (кълт-унъ), есть слово русское,

в этом нѣт основаній сомнѣваться; средствами русскаго языка оно объясняется удовлетворительно, именно сближеніем с *кълт-*, производною формою корня=скр. *skhal-* vacillare, titubare, куда относятся: вр. *колт-ых-ать*, ковылять, хромать; *колтушка* висюлька, подвѣска, *колтушки*= мр. *ковтки*, серги (как висящія, качающіяся; ср. „krzczyce teraźniejszych czasów kołtunami, drudzy *kołtkami* zowią“, Syreniusz y Linde). Суффикс *-унъ* здѣсь с таким же значеніем, как в *хлебестунъ*, коровій хвост, как качающійся. В поль. основная ф. *кълт-*, по видимому, должна бы дать *kiełt* (kieł, kiełb', kiełbasa, kiełznać), как *кър* + согл. дают ф. karcz, karczma, kark, karmia, karpić, karwat, karw'. Согласно с этим позволительно думать, что как *korcić* так и *kołtun, kołstka,* серга, суть заимствованія из русскаго, на что и указывает вышеприведенное выраженіе Сиренія "wieszczyce abo Ruski kołtun". Западные сосѣди называют эту болѣзнь plica polonica; она и могла быть искони туземна в Польских (как и в болотистых Русских) мѣстностях и извѣстна под именем *krzczyce* (Linde).

Литов. *kałdúnai,* болѣзнь колтун,—заимствовано. Тоже надо думать о лат. *kaltons,* колтун, чахотка, не смотря на то, что в послѣднем значеніи оно приурочено к *ka'lstama* sêrga сухотка и к *ka'lst* сохнуть, *ka'ltet* сохнуть, вялить, коптить.

В славянском этого *kal-t-*, сближаемаго с лот. *cal-or*, повидимому нѣт в такой формѣ (*кълт-*, *колот-* = *клат*), которая также непосредственно служила бы к объясненію сл. *колтунъ,* как служит ему вышеупомянутое *кълт-* в *колтыхать* и пр.

9.

Тѣло, пос-толъ

Тѣло—одно из слов, в объясненіи коих, сколько знаю, невстрѣчается разногласій. Наиболѣе характерныя значенія его и ближайших к нему (тѣль) видны в выраженіях, как вр. „пчелы сдѣлали запас *до тла*" (до дна улья): „выгорѣть, прожиться, разориться—, мука́ вышла *до тла* (до дна, совсѣм, в конец, в корень); серб. мн. ж. *тле*, род. *та̏ла̄*, *тли*: „од неба до тала"; „паде на тле"; „кавал до самијех тли"; „и све их је с тлима поравнио" (сравнял с землею); хорут. мн. ж. *tle* и ср. *tla:* „на tleh", на самой землѣ, на полу; повалить, бросить „на tla"; поль. ode tła aż do wierzchu; tło podłożyć marmurem; tło pieca, под печной, tło obrazu, malowidła—поле, фон (fond, fundus); луж. *tło* пол, половица, дно, почва; мн. *tła* ток, гумно; ц. сл. *тьло* (вряд ли *тѣло*, на которое нѣт указаній в др. нар.) и *тьлы*, pavimentum = лит. *tile*, дощечка мостимая на дно челна, чтоб незамочить ног. Вр. *тл-ян-ик* улей, в коем соты до тла, болг. *тляник*, *кляник*, простор между огнищем и стѣною в кухнѣ (жилой избѣ). В скр. преобладающей слав. формѣ *тѣло* равно *та-ла-м* ср., но в том же зн. и *тала-с* м., плоскость, поверхность, под, почва *(tellus)*, дол; *пра̂са̂да-тала-м*, *һармја-талам*, плоская крыша дворца; *панитале̂*, дв. ч., handflächen, ладони; *падатале̂* дв. ч. подошвы. Б. Р. предполагают сходство со *стар-*, *стьлати*; это тѣм вѣроятнѣе, что лит. *pa-tal-as* = (кромѣ суф.) *по-стел-ь*.

Постолъ, мр. вост. *постiл*, род. *постола́*, мн. -ы́, серб. *по̏сто̄*, род. *по̏стола*, жен. ед. *по̏стола*, лотыш. *pastala*, ж., calceus. Миклошич (Lex. s. постлати и Gr. IV, 8) дѣлит *по-столъ* и переводит *bastschuh*. Такой перевод, подавшій повод Далю к сближенію с нѣм. *bastel* (?), *bastschuh*, ошибочен: как в малорусском, так, кажется, и повсемѣстно *постолъ* отличается от лаптя—лычака, как обувь, собранная из одного куска кожи. Я дѣлю: *пос-толъ* (= *пад-тал-ас) и вижу в первой половинѣ рѣдкій остаток темы на со-

гласную (скр. *пад* м. р. нога), форму более древнюю, чѣм скр. *пада* в *пада-талê*. Предполагаемое значеніе в *постолъ*, именно „под ноги“, подошва привязываемая к ногѣ („подошвы красивыя к свѣтлым вогам привязавши“, Одисс. II, 4, et pass.), указывает па состояніе культуры болѣе древнее, чѣм то, к которому относится *подъ-шьва* (одкуда *почва*), то что подшивается с низу к верхней части обуви, которая, стало быть, состоит по меньшей мѣрѣ из двух кусков.

10.

„Он *собаку съѣл* на это“ (т. е. для такого-то дѣла) или „на этом“, „в этом“ (т. е. занимаясь таким-то дѣлом) = он мастер на это, или он искусился, приобрѣл опытность, искусство. В ювр. или мр. мѣстностях, гдѣ *собака* муж. рода, прибавлено: *сучкой закусил* (с комическим оттѣнком). Невидно никакого основанія усматривать здѣсь слѣд потеряннаго вѣрованія, в родѣ того, как у иных народов „съѣсть сердце льва, чтобы приобрѣсть смѣлость этого животнаго“. Собакѣ, сколько извѣстно, приписывается наглость, безстыдство, лживость, но не какое либо искусство. Слышанный мною этим лѣтом в Кочеткѣ Зміев. у. разсказ дает удовлетворительное объясненіе.

Идет парень в первый раз косить, за ним бѣжит собака. „Куда идёш?—Косить! (громко и бойко). Прими телѣгу, а то перескочу! (Столько в нем прыти). — „А что в мѣшкѣ несёш?“—Пироги. „Что так много?“—А несъѣм, собакѣ отдам.—

Возвращается тот же с косовицы, за спиной пустой мѣшок, собаки нѣт. „Откуда идёш?“ — Косил (вяло, чуть слышно). Прими веревку, неперервступлю (веревка лежала поперек дороги). „А пироги гдѣ?“ — Съѣлъ. „А собачка гдѣ?“—И собачку съѣл (т. е. так ѣсть хотѣлось).

Смысл таков: косят только взрослые, лѣт с 18 (по мр. парубкй) и старые. Только тот, кто искусился в этом трудѣ, знает что такое земледѣльческая работа: устанешь, с голоду и собаку бы съѣлъ.

11.

— „Пропав *ні за цапову душу*“, в том же смыслѣ, как „ні за собаку“ (Ном. 39), даром. Из нѣскольких возможных объясненій менѣе удовлетворительно то, в коем не принята во вниманіе особенность выраженія (душа козла), а сила падает на малую стоимость козла, в мр. посл.—козы: хиба ж наша мати вжеї кози нестоїть?“ Ном. 41; я з вас, сучі сини, зроблю те, щоб ви у трёх і кози некупили, ib. 69; швець не купець, а коза не товар, ib. 107; набереш (т. е. грошей), як дід (старець, иншій) за козу, ib. 206; „я коза-дереза, пів бока луплена, за копу куплена...“ (в сказкѣ; Ном. 178—„за три копи“, что хуже). Этому, как высокая цѣна, противополагается *вол* (такова́ красота, что „одна̀ брова́ стоїть вола́, а на дру́гу ціни́ нема“), а еще болѣе—город. [Послѣднее в вр. „цѣна—государь Москва“ и в серб.: бјеле руке града вриједне, Кар. Пјес. I, 44;

Попова брада три града вала;
Бисерна брада...
Бисер се руни, у чашу пада,
Свако ми зрнце дуката вала,

или:

Бисерна брада, сребрна чаша,
Бисер се рони, у чашу пада,
Свако га зрно по дукат вала,
А сједа брада—три бјела града

(величање попу, К. ib. 56, 81);

Ваљаду јој руке Сарајева,
Бјело грло—града Дубровника,
Сва ђевојка—града Цариграда,

Кар. Срп. пјес. из Херц. 166.]

Второе объясненіе видит здѣсь ветхозавѣтнаго жертвеннаго козла отпущенія (Лев. 4, 22—3), как выкуп за душу (Исх. 30, 16), при чем, в силу нѣкоего уподобленія, предполагается, что за человѣческую душу идет козлиная, меньше стоящая. Дѣйствительно о ветхозавѣтной жертвѣ

говорится в посл.: „видить Бог, чий козел, а чий баран“, Ном. 78, между тѣм, как, по видимому, о языческой—в „там и чорту баран“, ib. 81, т. е. N пропал, кажется, между прочим об утонувшем, повѣсившемся.

Третье—предполагает на мр. почвѣ разсказ, в котором человѣк обманом, дешево покупает услугу чорта, именно не за свою душу, а за (душу) козла. Если в этом разсказѣ рѣчь идет о построеніи моста или зданія, то он по всей вѣроятности западнаго происхожденія. Ср. gebr. Grimm. Deutsche Sagen[2], N. 337: Швейцарскому пастуху приходится часто с трудом перебираться через Рейсу, или обходить дальним путем. Чорт берется построить каменный мост, с тѣм, чтобы за это ему досталось первое живое, которое пройдет по этому мосту. Пастух соглашается, но гонит перед собою дикую козу (gemse), которую чорт и разрывает в куски. Такая замѣна может находиться в связи с вѣрованіем, в родѣ скандинавскаго, что двойник человѣка, его доля, является между прочим и козлом, котораго гибель предвѣщает гибель сопутствуемаго, Mannhardt, Germ. Mythen 307. Сравнительно с вышеприведенным нѣмец. сказаніем в мр. выраженіи может предполагаться обратное отношеніе: по напрасну гибнет человѣк, вмѣсто (=за) цапа.

Четвертое сближеніе, б. м. неисключающее вѣроятности третьяго, из предлагаемых наиболѣе явственно говорит о цаповой душѣ, как о чем-то ничтожном (ср. ругат. psia dusza).

По обычаю, усвоенному православіем, по душѣ умершаго ставились обѣды (кормы), служились обѣдни, ставилась, при средствах, неугасимая свѣча [1]).

Отсюда, когда по напрасну горит свѣча: „Що це? за жидову душу горить?“ А также: „На що то свічка горить? *За пана цапа?*“ Ном. 193.

---

[1]) „Ростиславъ... прокъ имѣнья (Вячеславля) да, чимъ же надъ нимъ (Вяч.) дѣяти на послѣднія дни, чимъ свѣчю и про-

12.

За чистую бѣлку. Выраженіе в вр. былинѣ (Рыбн. I, 275): „Убьет меня богатырь... Падет моя голова ни за чистую бѣлочку", в см. ни за что, обязано происхожденіем недоразумѣнію. Истинный смысл его, без отрицанія *ни* (было бы умѣстно развѣ *не*), именно: „за настоящую цѣну" виден в южнорусс. выраженіи у Смотрицкого: „fałsz ten poszedłby u was w potomne wieki *za czystą*, jak mówią, *białkę*" (Linde). От подобнаго выраженія, в коем вм. металлической монеты, стояла еще *бѣла, бѣла вѣверица* и т. п., пошло вѣроятно выраженіе: выдать что за чистыя деньги, za czystą monetę.

Я сам слышал еще в Полтав. губ. подобный архаизм: „се діло не в великих *кунáх*", дѣло неважное.

сфуру его побдѣти", Ип.[2] 326, под 1154. Б. м. слѣдует, как в Хлѣб. Сп. „побъдити", т. е. сдѣлать так, чтобы свѣча *бъдѣла*, неусмирялась, нетухла, неусыпала, а горѣла. Лев Данилович присылает сказать Володимеру Васильковичу: „Стрый твой, Данило король, а мой отець, лежить в Холмѣ у Святѣй Богородици, и сынове єго, братья моя и твоя, Романъ и Шварно, й всихъ кости туто лежать. А нынѣ, брате, слышимъ твою немочь великую. Абы ты, братъ мой, неизгасилъ свѣчѣ надъ гробомъ стръя своего и братьи своей; абы далъ городъ свой Берестий: то бы твоя свѣща была." В отвѣтѣ Володимера слышатся уже рѣшительные малоруссизмы (осе пакъ, уже-пакъ, много есь поставилъ = нынѣшнее Заблуд. много єсь перебрала; согласно с этим и *ци* (=чи) не внесено свр. писцом, а западно-мр.): „брате.... Две княже! Ци без-ума мя творишь, оже быхъ перозумѣлъ сей хитрости? Ци мала-ть ...своя земля, оже Берестья хочешь, а самъ держа княжения три... да нѣту ти сыти. Осе пак... мой отець а твой стрый лежить во епископьи у Святой Богородици в Володимерѣ, а много-ль-есь над нимь свѣчь поставилъ? Что есь далъ который городъ, абы то свѣча была? Оже... просилъ еси живымъ, а уже-пакъ мертвымъ просиши? Недамъ, не реку города, но ни села невозмешь у мене! Розумѣю я твою хытрость, недамъ! (Ип.[2] 600—1, под 1288). На мой взгляд, это живая рѣчь того времени.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

К стр. 5—6. Пустоселье, пустое *село* без жилья, на сѣверѣ доходит вплоть до XVIII в.: 1692 г. „N промѣнилъ N-у въ Кашинскомъ уѣздѣ въ Чюцкомъ стапу помѣсную свою пустошь Ильино село всю сполна, съ пашнею, и съ лѣсы, и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи . . . а мѣняются они . . . пусто на пусто“. Ак. отн. до Юр. Б., I, 613.

К стр. 22. *Т* в *околоток* идет изстари: Под 6941: Въ Новѣгородѣ погорѣ Околотокъ и владычень дворъ, и на святѣи Софѣи кровля погорѣ вся, Пск. I, 206; совершиша церковь каменну . . . въ Каменномъ городѣ въ Околоткѣ, Новг. лѣт.², 269. Поэтому лучше возвратиться ко мнѣнію, что *т* в *околот-ъкъ* тоже что в *околот-ица*, околица. Спорадическое измѣненіе *т* в *д* могло возникнуть под вліяніем сл. *колода*, в том ли значеніи, о котором упомянуто, или в другом, на пр. колоды, к которой сосѣди сходятся посидѣть и потолковать:

Усі хлопці на колодці, а мого немає, Н. п.

„Як дівчата и ёго дочка грають на вулиці, то и він було вийде, сяде на колоді (т. е. не непремѣнно у своих ворот) з ким из приятелів тай розговорюють, об чим-там прийдетця“, Квітка, Щира любов;

А на уліце да на широкой,
А на мураве да на зялёной,
Лежиць брусья да цясовоя,
А на тым брусы да мужи сідзяць,
Да мужи сідзяць, мужи честные,
Да радзюць раду, раду добрую . . . :
„Да кого-ж будзем обірацъ войтом?

„Обярём войтом славнаго пана,
„Славнаго пана N N.
„Ён жа умеєць да суды судзіць,
„А суды судзіць, судовоя брацьˮ.

Волочобная, Безс. Бр. п., 7.

К стр. 27. Предложенное сближеніе слов *сполу*, *посполу* (pospolity и пр.) неудобно потому, что оно без достаточнаго основанія обходит ближайшее *с полу*, с половины, откуда возможность значенія „с-общаˮ, точно так, как в выраженіи *с одиного*, *с одного*: „что были Новогородци имали миръ въ первое розратье, со Псковичи съ одного, а нынѣ потомужъ . . . (Псковъ) и безъ Новогородаˮ, Пск. I, 201.

Сполу, а) ис-полу, с половины (нынѣшнее вр.); б) вообще: „приѣха кн. Ив. Андрѣевъ С. Олгердовичь . . . и прияша его Псковичи, и всѣмъ сполу его Псковичи хлѣбомъ, и вологою, и медомъ, и поминкомъ почтиша, Пск. I, 210; того же лѣта далъ Богъ во Псковѣ хлѣбъ и все сполу дешево, ib. 232; . . . всему Новугороду кормомъ и даровы и всему сполу числа же края нѣтъ, колико золота и серебра вывезе (князь великой) отъ нихъˮ, ib. 252.

От другого значенія *пол*, сторона (Новг. I, 12 и часто), сроднаго с *пола* платья, соб. бок ущелья, лога („шел лѣвой полой ключаˮ, по лѣвому косогору, Этн. Сб., VI, 11), стар. *сполу* — с руки, удобно по смежности. В этом смыслѣ, а не в смыслѣ „довольно, сполна, вдовольˮ как думал Даль, употреблено это слово в Ип.², 599: „нынѣ, господине, отець мои . . . отнимаеть у мене городы, что ми былъ далъ, Белзъ и Червенъ и Холмъ, а велить ми быти въ Дорогычинѣ и въ Мѣлницѣ; а бью челомъ Богу и тобѣ, строеви своему, дай ми, господине, Берестий, то бы-мь сполу былоˮ, 1288.

Посполу, а) вмѣстѣ с . . .: „князь великій весь посполу съ братіею и съ князи и съ всею силою стоитъ у Коломныˮ, Пск. I, 244; б) вообще: „и владыка у нихъ (священниковъ и дьяконовъ вдовыхъ) нача имати мзду . . . а ихъ всѣхъ посполу нача благословляти пѣти . . . и гра-

моты другія... изъ тоя мзды давати, ib. 234; ... видѣвше такову почесть какъ отъ посадниковъ... и отъ бояръ и посполу отъ всего Пскова, ib. 245; в) всего? „загорѣся въ полнощь посадъ въ Вилнѣ Лядцкій конецъ... и сгорѣ съ 400 дворовъ ... и Руского конца... Богъ ублюде... понеже посполу толко промежи улица съ Латынскимъ дворомъ“, ib. 239.

К стр. 27. *Дикая вира.* Ср.: 1693 г. ... „посыльнымъ людемъ при понятыхъ доправить въ селѣ Кидусовѣ на Ларіоновыхъ крестьянехъ Сатина, на Яковлевыхъ крестьянехъ Дяткова, на Өедоровыхъ крестьянехъ Скорятинова, на Емельяновыхъ крестьянехъ Мелентьева *поголовныхъ денегъ* четыре рубли... съ убивства Михайлова крестьянина Сатина Ивашки Потапова, потомужъ, что то мертвое тѣло объявилось вышеписанныхъ помѣщиковъ на земли“, Ак. отн. до Юр. Б., I, 634.

К стр. 29. Что в селѣ и полѣ Сябры (Пск. судн. Гр., § 106), то м. б. в городѣ Псковѣ были *сусѣди,* прихожане, связанные единством церковнаго, а м. б. и другого общественнаго имущества: „А за церковную землю [и] на судъ помочью (= съобща) сусѣди неходятъ: итти на судъ старостамъ за церковную землю“, Пск. суд. гр., § 70; „Петровскіе сосѣди, розбивше костеръ (castrum, башню, укрѣпленіе) старой у Св. Петра и Павла, и въ томъ камени (=изъ ...) создаша церковь Святый Борисъ и Глѣбъ“, 1433, Пск. I, 207; 1506 „бысть пожаръ на Запсковьи... а погорѣ отъ Жирковскихъ сусѣдъ да до Богоявленія“, ib. 281; „тое же весны (1538) во Псковѣ замыслиша на Запсковьи сусѣди Св. Богоявленія въ другихъ придѣлѣхъ новой храмъ свершити...“ ib. 302.

К стр. 32. *Щироборы,* собств. мѣсто, гдѣ „щирый бор“. *Щир* чистый, гот. *skeirs*, ср. нѣм. *schîr*, лит. (заимствованное из русс.) *czîras*. Синоним — *Чистоборы, *Чистоборье (ссылки немогу привести): „ста шатры на бору чистѣ, а стражи постави на рѣцѣ на Двинѣ“, 1265, Пск. I, 181.

К стр. 12 и 31—3. Ясно, что межа названа по зна-

ку, *знамени,* насѣчкѣ на деревѣ (А. Ю., 161, 2), в словах *оттесь* (серб. *оттес*), *потесъ* (А. Ю., 23), *отруб, обруб, утинъ* (на пр. Ак. отн. до Юр. Б., I, 49; Даль, Сл.). Так и *рубежъ* м. 1) зарубка, затесь, рубец на деревѣ; 2) названіе юридическаго знака, состоящаго из одной, обыкновенно высѣченной на деревѣ черты (*черта* = рѣза, *чертить* лѣс—подсѣкать) А. Ю., 162, 166; 3) „как границы обозначались затесами на деревьях, то и самая граница" (Даль) земли, государства, в частности граница Московскаго государства съ В. К. Литовским. Сюда же

Граница (русс., поль., чеш., серб.), fines, confinium. „Как часто случается, говорит Гримм, Нѣмцы заимствовали у Славян *gränze* (в XIV в. grenitz, голанд. *grens,* мн. *grenzen,* швед. *gräns,* дат. *grändse),* хотя имѣли свое *rain* (*hrein, по Гримму), межа поля и отсюда плотина, окраина морскаго берега (Grimm, Klein. Schr., II, 34, 36). Предполагаемое Гриммом сродство этого слова с *грань* невѣроятно по причинам фонетическим (аглс. hring—кржгъ; шведск. (h)rams allium ursinum, лит. kermuszis, русс. черемша). Фик (V. Wb., I^3, 73) преполагает, что **гар-,* лежащее в основаніи сл. *граница,* имѣло уже то значеніе, что др. вн. *kêran,* направлять, поворачивать, что *граница* родственно с *гран-о, -есе, гранъ,* versus и вмѣстѣ с ним значило предварительно „kehre", стало быть было синонимом слова *верста.*

На самом дѣлѣ представленіе в *граница,* finis, limes, взято из значенія, весьма далекаго от значенія versus, верста, именно, как справедливо полагает Даль, из значенія насѣчки на деревѣ, „пятна" (юрид. знака): „съ камени—на вязъ, а на вязу граница—крестъ". Предполагает ли сербс. *гра̀ница,* изв. порода дуба, значеніе граничнаго дуба с затесью (какіе часто в русс. актах), а чеш. *hranice,* костер, значеніе граничной ямы с угольем (т. е. ямы, в которой, ради уголья, при проложеніи границы, был костер) это можно оставить вопросом.

Также и *грань,* confinium предполагает значеніе затеси: „велѣно... грань (=ей) на деревьѣ и затесей и

всякихъ признакъ досмотрѣть", 1670, Ак. отн. до Ю. Б. I, 480. В межевых и т. п. записях множество мѣст в родѣ: „тѣмъ землямъ межи отъ чюжихъ рубежевъ: . . . отъ Шуйскаго рубежа изъ озерка рѣчкою N вверхъ въ . . . болото", оттуда „на сосну, а съ сосны на троеверхой дубъ, а на немъ грани" (1520, ib. 668), или „учинилъ я N съ ними N и N полюбовную межу: . . . отъ рѣчки N до первой ямы . . . и у ямы столбъ, а на столбѣ грань . . . а ямъ и граней по той межѣ 14, а мѣрою яма отъ ямы, грань до грани по сороку сажень, а въ тѣхъ ямахъ каменья" (в друг. — уголья, на пр. ib. 48), 169, ib. 696; А. Ю. 161, 164—5, 168, 179; грановитая сосна, ib. 160. Согласно с этим, как в ст.-серб. *утесати* међу, так по вр. грамотам „доспѣта межу" (ib. 691) состояло в том, чтобы „учиня межи, на межахъ ямы покопать и *грани потесать* и всякіе признаки учинить" (ib. 695), иначе „*класти грани*" (ib. 691), т. е. на деревьях. Такое частное значеніе, предполагаемое значеніем terminus и пр., в *грань, граница* ставит нас относительно объясненія этого слова в болѣе выгодное положеніе, чѣм относительно *край* (откроенный, но что именно откроено?), *finis* (**fidnis*, findo, скр. *бhид-*, но что именно отколото?), лит. *galas* конец (по Микуц. сродно с *gelti* колоть, рѣзать, Фил. Зап. 1871, 59).

Грань образовано, как *дрань*, но глагола *г-р-* со значеніем рубить или рѣзать, колоть („*расколися*, сухой дуб, на четыре грани) в слав. языках не находим. В скр. сродно то *джар* (*гар), от котораго *джарджара-*, изодранный, разодранный, дырявый, расколотый, разщепленный, разбитый. *Грана*, вѣтка (серб. хорут.) может быть другого происхожденія (Mikl. Gr., II, 118).

К стр. 40. *Улица*, по видимому, в нынѣшнем мр. значеніи игрища упоминается в словѣ о мытарствах, приписываемом Авраамію Смоленскому. Там-же мр. вечерницы. Список—XVI в., но считать эти слова вставками вряд ли есть основанія: „7-е мытарство: буе слово, срамословіе, бестудная словеса и плясаніе еже въ пиру, и на свадь-

бахъ, и въ *павечерницахъ*, и на игрищахъ, и *на улицахъ*", Калайд. Пам. Р. Слов. XII в., 94.

— К стр. 53. *Буйвище* — от *буево*, которое предполагает *буй* в значеніи существительнаго. *Буй*=буян, площадь на возвышеніи, на пр. около церкви: „Они (сила литовская) обострожилися на Ключищахъ а полоненыхъ нашихъ въ церкви заперли. И пріѣхавъ Иванъ Лятцкой къ Ключищамъ, гдѣ они обострожилися на бую... Черкасъ воевода (литов.) нача изъ попова двора битися... Пск. I, 292; загорѣлося у Пречистѣй на Завеличьѣ, на бую подъ колоколы Якова попа дворъ и яшеся огнь за колоколницу, ib. 294; 1552 ... бысть моръ ... и въ годъ положили въ скуделницахъ 25000, а по буямъ невѣмъ колко числомъ, ib. 308; около буя Св. Николы въ Опочепскомъ концы каменемъ одѣлавъ и врата каменыя изрядивъ, и садом—яблонями насадили, ib. 247.

Буевище: 1418 повелѣ посадник Ѳедкѣ и весь Псковъ намостити буевище и около церкви Св. Троица, и тынъ отыниша около церкви, ib. 202.

— К 68. Рѣка *Самородина*. Ср. мр. „іди-ж ... пісками глибокими да *річками—самотоками*", Рудченко, Ю. П. Сказ., I, 136.

— К 70. *Честь* и пр. Что *потчивать* — из **-чьщевати*, видно из: „непоспѣли тебя употщевати", Домострой, изд. Голохваст., 16. Сходно с приведенными оборотом *пити честь* глаг. *чтити* — угощать напитком: „а опослѣ стола посылалъ къ нему (послу) князь великій па подворье *чтити* его съ виномъ и съ медомъ окольничего Ивана Чебота", 1490, Пам. диплом. снош., 27.

Вр. *тчивый*, щедрый, первоначально: охотно угощающій, *чтящій*, объясняется не из **точивый* (?), как у Даля, и не из *честь-ив-* (как *учтивый*), а из **чьсть-ч-ив-*, откуда *чщив-*, *тщив-*.

— К стр. 78. *Вѣщая*, вѣдьма: того же лѣта (1411) Псковичи сожгоша 12 жонке вѣщихъ, Пск. II, 22.

УКАЗАТЕЛЬ.

ОПЕЧАТКИ.

Стрц.	*Стрк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
8	7	у орамыи	и орамыи
11	16	коп „села	как „села
13	27	значеніе	значенія
16	25	такі вмилося	так і вмилося
28	16	русс. съмбръ	рум. съмбръ
—	22	ано... акп	анп... ани
37	6	участки	участники
43	2	состояло	состояла
47	15	свекрашку	свекратку
—	17	Дзеверашку	Дзевератку
53	33	sagra	sagara
57	2 снизу	о диках,	, о дикпх
63	14	arca	area
—	15	что *ирьй*	то *ирьй*
65	3	сыръ, куда	сыръ
—	33	triet-äugig	triefäugig

ОГЛАВЛЕНІЕ.